
О Льве Павловиче ОВЧИННИКОВЕ.

ВОСПОМИНАНИЯ.

ОЧЕРКИ.

ЭССЕ*

---

* Составители – Д.Н. Лябин (ИБ РАН) и А.Ф. Орловский (ФИЦ Биотехнологии РАН)

Ю. В. БАЛНОКИН

МОЙ ДРУГ ЛЕВ ОВЧИННИКОВ – ЧЕЛОВЕК НАУКИ

Заголовок кратких воспоминаний о Льве возник в моей голове сразу и, кажется, с наибольшей точностью, отражает суть этого человека. Именно наука была той средой, в которой Лев жил и работал.

То, чем я хочу поделиться, основано не на научных достижениях Льва и не на том, что он сделал блестящую карьеру в науке. Об этом лучше знают и лучше расскажут коллеги, непосредственно работавшие с ним. Свои впечатления о Льве, как об одаренном исследователе, я вынес из нашего общения в непринужденной обстановке дружеских встреч в Москве и Пущино, а также во время совместных путешествий. Мы учились на Биофаке МГУ на одном курсе, хотя и на разных кафедрах. По-видимому, общая тяга к природе и местам, нетронутым цивилизацией, уже тогда сблизила нас. Вспоминаю нашу первую совместную поездку. Это было на втором курсе в зимние студенческие каникулы. До этого, летом, я был участником орнитологической экспедиции кафедры Зоологии позвоночных в северном Казахстане. Василий Федорович Рябов, руководитель экспедиции и тогдашний заместитель декана, предложил мне поехать в эти места зимой и собирать дополнительный материал в Наурзумском заповеднике. Я с радостью согласился и пригласил в эту поездку Льва. Мы ехали в Казахстан в общем вагоне, когда Лев неожиданно извлек из своего рюкзака толстый фолиант органической химии и углубился в него. На мой вопрос, что побудило его в такое неурочное время и в таком, на мой взгляд, неудобном месте заниматься самообразованием, он ответил, что органическая химия – основа молекулярной биологии, которой он собирается посвятить себя в будущем, а основой нужно владеть очень хорошо. Я был восхищен целеустремленностью своего друга, уже на младших курсах точно знавшего, в каком направлении он будет двигаться дальше.

Много раз мы со Львом ходили в байдарочные походы – страсть, которую он сохранил до конца своих дней. Одно из наших путешествий – поход по Ковд-озеру в Северной Карелии с выходом в Белое море и дальше по Кандалакшскому заливу в сторону биостанции МГУ, был особенно интересным. Но не о красотах карельской природы, приливах и отливах Белого моря, ловлю трески на удочку я хочу рассказать, а о том, что и на природе, сидя у вечернего костра, Лев думал о своих экспериментах, с энтузиазмом рассказывал о УВ-белках, функции которых стали его последней темой. Его мозг все время работал в этом направлении, и ему нужно было постоянно делиться своими соображениями, вовлекая собеседников в

---

*Юрий Владимирович Балнокин,
доктор биологических наук, профессор,
Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева Российской академии наук.*

обсуждение. То же самое происходило и дома за рюмкой коньяка, когда мы с женой навещали Льва и его гостеприимную супругу Альбину в Пущино.

Уже сильно больной, в последний год своей жизни, Лев при встрече делился своими рабочими планами с друзьями, рисовал вероятную цепочку событий, происходящих в клетке с участием УВ-белков; рассуждал о том, как поставить решающий эксперимент. Даже свой недуг, неизлечимость которого он ясно осознавал, стал предметом его исследования. По результатам своих медицинских анализов он строил графики и экстраполировал полученные кривые во времени; вместе с врачами искал пути, как изменить течение болезни; при этом никогда не впал в уныние и мужественно переносил страдания, которые несла болезнь.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова известной песни Булата Окуджавы о Моцарте, скажу, что Лев « всю жизнь напролет » занимался наукой, « не оставлял стараний, не убирал ладоней со лба ». При всем при том, он не был червем, педантично грызущим гранит науки. У Льва было множество разных интересов, и он не отказывался от простых человеческих радостей. Лев увлекался историей и литературой, много читал, глубоко проникая в самые разные области человеческих знаний. Он был прекрасным рассказчиком и интересным собеседником, добрым и отзывчивым товарищем, что особенно ярко проявлялось в совместных поездках. В заключение скажу, что Льву были чужды карьеристские устремления. На протяжении всей своей жизни он просто делал свое любимое дело, делал хорошо, вкладывая в него душу, а награды и повышения по служебной лестнице сами находили его как результат успехов в исследованиях.

А. С. ВОРОНИНА ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ ПАВЛОВИЧЕ ОВЧИННИКОВЕ

Лев Павлович Овчинников окончил в 1962 году Биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедру биохимии растений, возглавляемую академиком А.Н. Белозерским. Свою научную деятельность он начал еще в студенческие годы под руководством А.С. Спирина. В это время он досконально освоил лабораторные премудрости, необходимые для работы с РНК.

Будучи в аспирантуре, Лев работал в Институте биохимии им. А.Н. Баха АН СССР в лаборатории регуляции биосинтеза белка, возглавляемой А.С. Спириным. В то время сотрудники лаборатории изучали структуру

---

*Анна Сергеевна Воронина,
Институт биохимии им. А.Н. Баха
Федерального исследовательского центра
«Фундаментальные основы биотехнологии» Российской академии наук*

рибосом и пытались осуществить сборку рибосом из отдельно выделенных рибосомных белков и рРНК. Льву же была поставлена аналогичная задача относительно информосом. Основным объектом были зародыши рыб выюнов, введенных в качестве удобного молекулярно-биологического объекта выдающимся советским эмбриологом А.А. Нейфахом. Информосомы были открыты А.С. Спириным с сотрудниками именно при изучении мРНК в зародышах выюна. Лев изучал седиментационные и плотностные характеристики мРНК и информосом. Он показал, что новосинтезированная мРНК, выделенная из информосом, представляет собой набор дискретных по размерам классов молекул, и именно это определяет дискретность в размерах информосом. Соотношение же РНК и белка в этих частицах остается постоянным, что было показано методом центрифугирования в градиенте плотности хлористого цезия. При изучении развивающихся зародышей выюна было найдено, что большинство молекул мРНК, образовавшихся на стадии гаструлы, не включается немедленно при выходе в цитоплазму в состав функционирующих (синтезирующих белок) полирибосом. Основной формой, в которой накапливаются эти мРНК в цитоплазме, являются информосомы. Таким образом, именно информосомы представляют собой маскированную форму мРНК.

В экстрактах животных клеток (HeLa, печень крысы) сотрудники лаборатории с участием Льва Овчинникова также обнаружили информосомы. В цитоплазматических экстрактах был найден РНК-связывающий белок, специфически реагирующий с мРНК и образующий комплексы с характеристиками информосом (информосомо-подобные частицы).

В 1965 году, когда я, будучи студенткой 3 курса биофака МГУ, начала работать в лаборатории А.С. Спирина в Институте биохимии им. А.Н. Баха АН СССР, Лев был аспирантом первого года. Работал он допоздна, так что приезжая в лабораторию после занятий в Университете, я заставала эксперимент в самом разгаре. Лев с удовольствием рассказывал, что и зачем он делает, объяснял принципы методов ультрацентрифугирования в градиентах плотности сахарозы и хлористого цезия. Выделяли мы под руководством Льва и РНК, что в те времена требовало особой чистоты и тщательности. Тогда не было еще ни ингибиторов РНКаз, ни одноразовой пластиковой посуды, ни «китов». Тем не менее мы выделяли чистую и не деградированную РНК. В конце рабочего дня Лев на большом листе бумаги расписывал на следующий день и эксперимент, и прочие сопутствующие дела. Для нас, студентов, работа со Львом Овчинниковым являлась очень хорошей школой. Льва отличали большие педагогические способности, умение вовлекать в науку молодежь. Нам повезло учиться у такого открытого, доброжелательного и увлеченного наукой человека. Его увлеченность распространялась не только на науку. Он часто организовывал байдарочные походы и поездки на рыбалку. Еще будучи аспирантом, он организовал массовый весенний поход на байдарках по реке Лопасня, в котором участвовали студенты и сотрудники как МГУ, так и Института биохимии.

По окончании аспирантуры Лев переехал в Пушкино, где работал в созданном А.С. Спириным Институте белка. В 1981 году он возглавил лабораторию биосинтеза белка в этом институте. В 2001 году академик А.С. Спирин должен был по закону о возрасте директоров институтов уйти с этой должности. Александр Сергеевич попросил Льва сменить его на этом посту. Несмотря на свою нелюбовь к административной работе, Лев не мог отказать любимому учителю и долгие годы «тянул эту лямку». Душой же он всегда был в лаборатории среди своих сотрудников и учеников. Связь с нами, «баховцами», никогда не прерывалась. Приезжая в Москву по своим директорским делам, он обязательно заходил к нам в лабораторию. При каждой встрече Лев Павлович увлеченно рассказывал о своих новых работах и новых идеях. В последние годы жизни он мужественно боролся с тяжелой болезнью, но, когда случались перерывы в этой борьбе, он с тем же энтузиазмом, как и в молодости, говорил о научной работе. Последний раз я видела его в Институте белка незадолго до последнего обострения болезни. Увидев меня, он сразу начал рассказывать, какой интересный результат они получили в недавнем эксперименте. Таким он и запомнился. Навсегда.

В. Б. МИНИХ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ Л. П. ОВЧИННИКОВЕ

Ушёл из жизни академик Лев Павлович Овчинников, крупный учёный, замечательный человек и мой первый научный руководитель, давший мне путёвку в большую науку.

Со Львом Павловичем я познакомился в конце января 1977 года. Тогда я, четверокурсник биологического факультета Уральского Государственного университета (г. Свердловск), сдав зимнюю сессию, приехал в Пушкино, чтобы договориться о курсовой работе в Институте белка АН СССР у А.С. Спирина. Предварительное разрешение на мой приезд получил у Александра Сергеевича мой хороший друг Саша Якунин, учившийся в то время у него, на кафедре молекулярной биологии МГУ.

Остановился я в общежитии МГУ, у своего замечательного друга-земляка Валеры Бородина. Валера, как опытный студент-дипломник, тщательно меня проинструктировал на все случаи жизни, и на следующее утро я заявился в Институт белка. Меня до сих пор не перестаёт поражать, что академик Александр Сергеевич Спирин, учёный с мировым именем, при всей своей огромной занятости тем не менее нашёл время для залётного студента из провинции. Хотя удивлён он был поначалу немало...

---

*Вальдемар Бертольдovich Миних,
Институт Экспериментальной Эндокринологии,
Шарите, Медицинский Университет, Берлин, Германия*

После короткой, очень доброжелательной беседы, Александр Сергеевич поднял трубку телефона, набрал номер и сказал: «Лёва, зайдите ко мне, пожалуйста». И вот, через несколько минут в кабинет вошёл молодой, высокий, спортивного вида мужчина, это и был Лев Павлович Овчинников. «Лёва – спросил его Александр Сергеевич, – Вам не нужен студент? Он знает, что такое информсомы». На моё огромное счастье, Лев Павлович ответил на этот вопрос утвердительно. Вот таким образом я и попал в научную группу к Л.П. Овчинникову, и считаю это одной из самых больших удач своей жизни.

В итоге я проработал в группе, а затем в лаборатории Л.П. Овчинникова, пятнадцать лет и прошёл там путь от студента-дипломника до научного сотрудника, кандидата биологических наук, лауреата премии Ленинского Комсомола. Про премию пишу не хвастовства ради, а для того, чтобы лишний раз подчеркнуть эффективность Льва Павловича как научного руководителя.

Лев Павлович, к моменту нашего знакомства, был уже известным учёным, лауреатом Ленинской премии за 1976 год. Он был кандидатом биологических наук и интенсивно работал над своей докторской диссертацией. В сферу его научных интересов входило изучение целого ряда аспектов регуляции биосинтеза белка. В руководимом им коллективе всегда царила атмосфера дружелюбия, взаимовыручки и свободного научного поиска. Я с большой теплотой вспоминаю своих коллег по группе (впоследствии лаборатории) регуляции биосинтеза белка – Алексея Цолаковича Аванесова, Хакима Раджабова, Булата Исакова, Сергея Домогатского, Тамару Безлепкину, Елену Давыдову, Алика Ситикова, Олега Денисенко, Валю Евдокимову, Игоря Майдебуру и многих других, всех не перечислишь.

Как учёного Льва Павловича всегда отличала огромная энергия, трудолюбие, эрудиция, грамотность и чёткость в постановке задач исследования. Он был человеком с идеями. Он всегда учил нас аккуратности и тщательности, как в проведении экспериментов, так и в интерпретации результатов этих экспериментов. Особенно скрупулёзно и ответственно подходил Лев Павлович к написанию научных публикаций. Его дотошность в этом вопросе часто нервировала нас, его сотрудников, но Лев Павлович чётко и неуклонно вёл тут свою линию. Он часто повторял нам, что ни за одну свою опубликованную работу ему не стыдно, и он хотел бы, чтобы эта ситуация сохранилась бы и в будущем. Лев Павлович очень быстро, со свойственной ему проницательностью, оценил значимость наших первых результатов по информсомному белку р50, ныне переименованному в YB-1. «Володя, – сказал он мне после очередного нашего горячего обсуждения, – поздравляю, вы наткнулись на жилу». Эти его слова врезались в мою память на всю жизнь.

Что можно сказать о человеческих качествах Льва Павловича? Прежде всего хочется отметить его большое дружелюбие, отзывчивость и открытость. Он был очень добрым, порядочным и чрезвычайно интеллигентным человеком. За все годы нашего общения я ни разу не слышал, чтобы он на кого-то поднял голос или сказал кому-либо что-то резкое, грубое и неприятное. «Володя, – повторял он мне много раз, к сожалению, совершенно безрезультатно, – не пытайтесь никого и никогда перевоспитывать».

В Институте белка я проработал до января 1992 года. Ситуация в стране ухудшалась, и я, подобно многим другим, подыскал себе работу в США, в лаборатории Боба Радса, в Университете Кентукки. По этому поводу у нас со Львом Павловичем состоялся очень тяжёлый и неприятный разговор, с взаимными упрёками и обвинениями. Подозреваю, что подобного рода разговоры происходили в то время во многих научных институтах по всей территории бывшего СССР. Молодые учёные потянулись на Запад, и это не всегда нравилось их руководителям, вложивших в них немало сил. Надо отметить, что Лев Павлович, несмотря на свое недовольство, не чинил никаких препятствий моему отъезду, хотя в то время легко мог бы это сделать. Порядочность, как я уже отмечал, была одной из неотъемлемых черт его характера. Тем не менее расстались мы, к сожалению, очень холодно.

И вот, представьте себе, каким приятным сюрпризом явилась для меня та радужная встреча, которую устроил мне Лев Павлович, когда я приехал в Пушкино в 2013 году, в отпуск. С возгласами – «Классик приехал! Основоположник приехал!» – он провёл меня по лаборатории, познакомил со своими молодыми сотрудниками, рассказал про текущую работу и новые проекты. В этом был весь Лев Павлович, абсолютно незабываемый и очень отходчивый человек, всегда старавшийся подчеркнуть и даже сильно преувеличить вклад своих учеников в те или иные лабораторные достижения.

К сожалению, это была, как выяснилось, наша последняя с ним встреча. Светлая память об академике Льве Павловиче Овчинникове, Человеке и Учёном с большой буквы, навсегда сохранится в сердцах всех его учеников.

А. Т. АЛЬЖАНОВА О МОЕМ УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ ЛЬВЕ ПАВЛОВИЧЕ ОВЧИННИКОВЕ

Говорят, что первое впечатление – самое верное. Поэтому в рассказе о моем Учителе и Друге, о Льве Павловиче Овчинникове, я решила описать нашу первую встречу, чем она мне запомнилась и коротко – как она отразилась на моей жизни.

Я тогда была студенткой четвёртого курса кафедры Молекулярной Биологии МГУ и была членом студенческого кафедрального кружка. Я выбирала себе будущую тему дипломной работы и размышляла так: то, как происходит кодировка информации в ДНК, как она переводится в мРНК и как потом из мРНК переводится в белок на рибосоме, я понимаю довольно хорошо. Но что происходит с этой информацией после синтеза мРНК и до начала синтеза белка на рибосоме? Я нашла в библиотеке Биологического

---

*Алла Альжанова,
(Alla T. Alzhanova-Ericsson, PhD)
Södertörn University, Sweden*

факультета статьи о неких интересных частицах – информосомах, комплексах мРНК с белками, вовлеченных в этот малоизученный процесс, и это всё было головокружительно интересно. Я решила создать искусственную ячейку с мембраной, аналог мембраны, разделяющей ядро и цитоплазму, и посмотреть, как через неё будут проходить информосомы. И это, по моим планам, должно было стать темой моей дипломной работы. Преддипломная практика должна была начаться в июне, а где-то в марте мы всем кружком поехали в академгородок Пушкино-на-Оке, чтобы посетить разные институты. Я заочно договорилась со Львом Павловичем, что приеду к нему в Институт белка АН СССР, мы встретимся и поговорим о возможности сделать диплом под его руководством. Лев Павлович был автором большинства публикаций об информосомах и защитил по ним диссертацию, так что то, что я обратилась к нему, было вполне закономерно, да и на кафедре мне посоветовали обратиться к нему.

И вот настал день встречи. Меня поразил сразу сам Институт белка. Современная архитектура, много воздуха и света, белый камень, мрамор, чистота. Нас было двое студентов – Саша и я. Лев Павлович встретил нас в фойе. Высокий, стройный, с улыбкой на лице. Голос – и мягкий, и твердый, располагающий. На нем была тёмно-оранжевая рубашка в мелкую белую полоску. Очки в крупной модной, но не бросающейся в глаза, оправе. Стало как-то сразу легко. Никакой неловкости первых минут.

Мы прошли в Изотопный кабинет, так называлась часть лабораторного здания на нижнем этаже слева, комнат десять с лабораториями, ультрацентрифугами, счетчиками радиоактивности, с холодной комнатой и прочим суперсовременным и интересным оборудованием, как западным, так и советским. Сейчас мало знают, что в Союзе выпускалось уникальное оборудование, какого не было на Западе. А оно – выпускалось, пусть не на потоке, а в единичных экземплярах. Например, сухой счетчик радиоактивности, бесцинтилляционный и очень чувствительный, или ультрацентрифуги на магнитной подвеске. Были там также американские и немецкие новейшие ультрацентрифуги и счётчики, шведские насосы и хроматографические колонки. Все это было у нас в Белке (я Белковский человек на всю жизнь) и всем этим пользоваться меня научил Лев Павлович. Он тогда заведовал этим кабинетом и привел нас в светлую комнату с огромным письменным столом, усадил в удобные кресла и ... стал рассказывать о своей работе. И это было сказочно интересно! Слушать Льва Павловича всегда очень интересно, даже если всё знаешь и сам. А уж если он рассказывает о чем-то новом – это чудо. И он оставляет паузы из долей секунды, чтобы ты мог вставить вопрос по ходу или свою экскламацию. То есть он рассказывает, но даёт и тебе возможность быть соучастником рассказа. А не только пассивным слушателем. И эта его чудесная черта проявлялась в любом общении – в науке и в жизни. Он ценил тебя, как собеседника, ты слушаешь и понимаешь, что без тебя рассказ бы не построился. Пишу это и невольно плачу. Ну, почему так, почему его нет?

И вот, сидим, беседуем втроём. Саша и я захвачены интересным рассказом. Саше ещё год до диплома, а мне – скоро, и я рассказываю о моих планах с мембраной. Лев Павлович меня выслушал и сказал, что это очень инте-

ресно, но пока – нереально. Может быть в относительно далеком будущем. А мы могли бы попробовать другие вещи. Я, конечно, согласилась. Это было логично и не менее интересно. Сейчас пролетела уже масса лет, но ничего подобного моему тогдашнему плану пока не создано. Я изучала этот процесс всю мою жизнь в молекулярной биологии. Сначала дипломницей, потом аспиранткой и сотрудницей Льва Павловича. Потом за границей, дольше всего в Швеции. Мы всегда поддерживали контакт, даже если не виделись годами.

Последний раз мы встретились около года назад. Я приехала в Пушкино повидаться. Мы сидели не на работе, а дома и Лев Павлович рассказывал, и я опять слушала, как та дипломница из далекого прошлого. И когда мой короткий комментарий вдруг предвосхищал то, что хотел сказать Лев Павлович, его глаза загорались, и он улыбался своей чудесной улыбкой. И это было фантастически приятно. Как мгновения совместного творчества. Я много встретила ученых в жизни, но Лев Павлович совершенно уникальный человек. И я не хочу писать слово был. Он уникальный человек. Почему-то мне кажется, что таким был и Рене Декарт.

Хочу ещё написать о нашем общении вне науки. Тем преддипломным летом мы много работали, многому я научилась, но и отдыхали. Лев Павлович и Альбина Борисовна взяли как-то нас с Сашей по грибы. Потом пригласили нас к себе домой и угостили таинственным пирогом с визигой. Я до этого и после этого никогда не пробовала таких пирогов. Помню, мне папа читал вслух Гиляровского и там пироги с визигой были, но что это такое? Я почему-то думала, что это такая ягода. И вот меня угощают этим чем-то невероятным. Если читатель тоже не знает, сохраню интригу. Скажу лишь, что визига совсем не ягода и пироги с визигой – очень вкусно! Это оказалось последним Сашиним летом. После летних каникул он уже не вернулся. Утонул. Я хочу вспомнить его здесь. Добрый и скромный мальчик. Может они там встретятся и поддержат друг друга ...

Ещё Лев Павлович ходил в летние байдарочные походы и однажды, когда я была уже аспиранткой, они с Альбиной Борисовной взяли меня на Полярный Урал. Нас была целая группа. Я брала с собой мою собаку - курцхаара. Это был первый и последний в моей жизни такой поход! Неизгладимые впечатления и реально было полно невероятных приключений. А перед походом мы ездили со Львом Павловичем в клуб туристов и читали отзывы о маршруте, чего ожидать. Помню мне сказали, что там несметное количество комаров и москитов. И их так много, что когда они садятся на одежду, то цвета одежды уже не видно. Я думала меня разыгрывают, а оказалось, что всё именно так.

Многосторонний человек, Лев Павлович Овчинников, с которым всегда интересно, спокойно и надежно. Я могу рассказывать бесконечно...

В. М. ЕВДОКИМОВА**МОЕМУ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ НАСТАВНИКУ
И ДРУГУ, ЛЬВУ ПАВЛОВИЧУ ОВЧИННИКОВУ**

Я была студенткой 4-го курса, когда моя жизнь и планы внезапно перевернулись. Это случилось утром в субботу 26 апреля 1986 года, когда ядерная авария на Чернобыльской атомной электростанции потрясла Украину и весь мир, унесла много жизней и изменила планы и жизнь сотен тысяч людей. Чтобы уберечь нас от радиации, нашу небольшую группу студентов-молекулярных биологов из Киевского государственного университета перевезли в Пущино, академический городок, расположенный недалеко от Москвы. Так мне посчастливилось попасть в Институт белка, который в то время находился на переднем крае международных усилий по изучению мессенджер рибонуклеопротеидных комплексов (мРНК) и структуры рибосом. На следующий день после нашего приезда (и после того, как я сменила обувь и одежду, так как они превышали допустимые пределы радиационной безопасности), меня представили Льву Павловичу Овчинникову, который стал моим наставником, научным руководителем и другом.

С самого начала я была удивлена тем, насколько простым и доступным он был. Со временем стало ясно, что это было его сущностью и никогда не менялось. Лев Павлович оставался таким же человечным и легким в общении даже когда вырос по служебной лестнице и стал действительным членом Российской академии наук и директором нашего Института. Он никогда не руководствовался эгоизмом или стремлением к личным почестям и наградам. У Льва Павловича было детское любопытство и глубокое увлечение фундаментальной наукой и знаниями ради знаний. Возможно, одним из его величайших удовольствий было разговаривать со студентами, всегда серьезно выслушивая их наивные идеи, никогда не критикуя неудачи, но отмечая и поддерживая любой потенциально интересный результат. Он был глубоко вовлечен в повседневные исследования, пытаясь проникнуть в суть вопроса и предложить оптимальный путь решения. Он никогда не сомневался, что любая проблема имеет решение, и эта вера передавалась нам. В то же время он никогда не настаивал на проведении конкретных экспериментов, всегда оставляя за нами свободу выбора. Он был одним из лучших преподавателей кафедры молекулярной биологии Московского государственного университета, способным донести науку до любого человека, даже до моего пятилетнего сына и рыбаков, которых мы встречали в отдаленных деревнях, когда ходили на байдарках по Карелии.

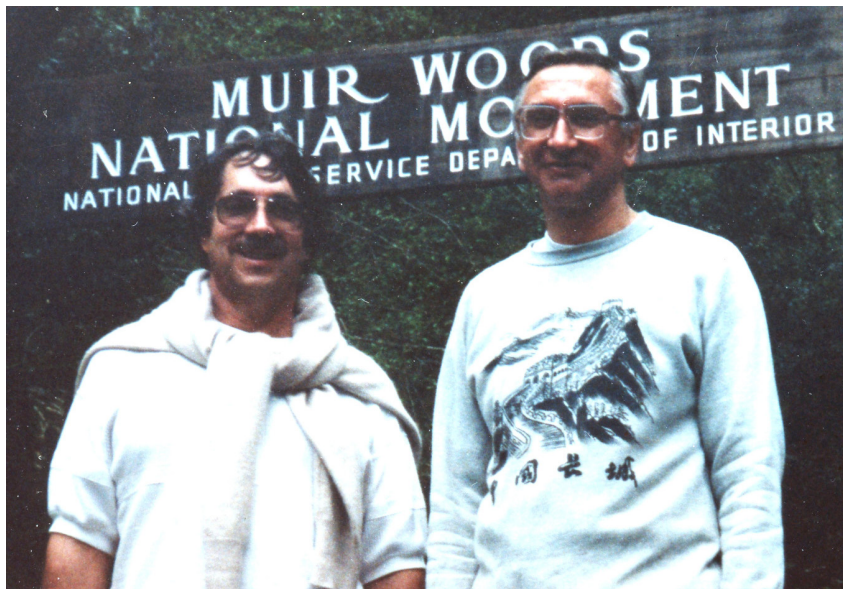
*Валентина Евдокимова,
Институт онкологических исследований Онтарิโอ,
Торонто, Канада*

Л.П.Овчинников в Карелии.

Эта постоянная поддержка и энтузиазм, а также активный обмен идеями в лаборатории, на наших лабораторных праздниках, пикниках и походах создавали атмосферу доверия, дружбы и открытости. После более двадцати лет в Канаде я теперь понимаю, насколько сильно это отличается от «западного стиля», где каждый сам за себя, должен выжить в конкурентной борьбе и стать первым (а лучше последним) автором публикации в как можно более престижном журнале, что создает постоянный стресс и недоверие друг к другу.

Лев Павлович никогда не начинал научное исследование с готовой гипотезы, как это часто бывает в современной науке. Вместо этого, он задавал вопрос: «Что произойдет, если?» Это сохраняет чувство неизвестного, вкус неожиданного открытия, когда выводы делаются на основе экспериментальных результатов и могут противоречить исходной гипотезе. Именно этого подхода Лев Павлович и его учитель, Александр Сергеевич Спирин, придерживались с самого начала, когда в конце 1970-х годов они начали работу по систематической характеристике белков мРНК [1–3]. Когда я пришла в лабораторию, исследования одного из этих белков, р50, шли полным ходом. Было ясно, что р50 преимущественно связан с трансляционно неактивными мРНК и играет важную роль в репрессии трансляции и хранении мРНК [4, 5]. В частности, было показано что избыток р50 в бесклеточных системах из ретикулоцитов кролика и зародышей пшеницы ингибирует трансляцию мРНК, причем трансляционная

Лев Павлович и Джон Херши.

активность восстанавливалась после депротеинизации мРНК [5]. Эти эксперименты показали, что в комплексе с р50 мРНК сохраняется целостной и трансляционно компетентной. Однако, когда я попыталась показать, что р50 способен защищать мРНК от рибонуклеазной деградации, меня постигло большое разочарование. Он делал прямо противоположное, сильно повышая чувствительность мРНК к РНКазе T1 [6]. Хотя эти данные не согласовывались с представлениями о защитной функции р50, Лев Павлович предложил включить их в публикацию. Мы предположили, что мРНК расположена на поверхности мультимерной глобулы р50, аналогично упаковке ДНК гистонами. Только шесть лет спустя, в сотрудничестве с Наумом Зоненбергом, мы установили, что повышенная чувствительность мРНК к расщеплению эндорибонуклеазой T1 в присутствии р50 не означает отсутствие защиты. Оказалось, что р50 защищает экпированные мРНК от 5'-3' деградации [7], которая вместе с 3'-5' экзонуклеазной деградацией является основным механизмом деградации клеточной мРНК. В процессе подготовки к публикации Наум настоял на переименовании р50 в YB-1, что, можно утверждать, оглядываясь назад, было правильным и очень важным выбором. С самого начала самой важной задачей являлось установление идентичности р50. В то время (начало 1990-х годов), клонирование и секвенирование в России могло занять несколько лет, учитывая дефицит реагентов и отсутствие опыта. Чтобы ускорить процесс, Лев Павлович организовал для меня командировку в лабораторию Джона Херши в Калифорнийском университете в Дэвисе.

Джон Херши был и остается одним из пионеров и лидеров в области регуляции трансляции, и работать в его лаборатории было для меня большой честью и большой ответственностью. Я очень беспокоилась, что ничего не успею сделать за три месяца. Клонировать и секвенировать белок за такой короткий срок было бы действительно невозможно без огромной поддержки Джона и сотрудников его лаборатории, особенно Чиа-Лин Вэй, которая провела меня через все этапы клонирования и скринирования библиотеки кДНК фагов. Лев Павлович тоже был там со мной, каждый день допоздна оставаясь в лаборатории и помогая решать любые проблемы, с которыми мы сталкивались. Кроме того, мир оказался тесен и в соседней лаборатории работал Андрей Олейников, которого я хорошо знала по нашей совместной работе в Институте белка. Благодаря его помощи и советам работа продвигалась легко и быстро, и я очень сожалею, что по ошибке Андрей не был включен в качестве соавтора в нашу публикацию [6]. Я помню, как мы вместе запускали длинные секвенирующие гели, закладывали их на ночь для экспонирования и как на следующее утро мы читали только что проявленные, еще влажные рентгеновские пленки вручную, буква по букве, что сегодня почти невозможно представить. Буква по букве, становилось ясно, что р50 почти идентичен недавно обнаруженному Y-box связывающему фактору транскрипции [8]. К концу нашего визита мы идентифицировали четыре положительных клона YB-1, и только один из них содержал полноразмерную последовательность кДНК, включая 5' и 3' некодирующие последовательности. Это была невероятная удача, большая радость и демонстрация того, как много можно сделать за три месяца, если работать вместе.

Так было всегда: Лев Павлович стоял за каждым нашим большим открытием. Его энтузиазм, оптимизм и вера в то, что мы справимся, даже когда задача казалась почти невыполнимой, двигали нас вперед. Наверное, один из самых важных вкладов в науку, который может сделать ученый – это не само открытие, а его школа, ученики, которые продолжают прокладывать путь в неизвестное. Десятки студентов и стажеров были выращены и воспитаны Львом Павловичем, и все мы обязаны ему своим прогрессом в науке и отношением к жизни. Нам его очень не хватает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ovchinnikov, L.P., Avanesov, A.T., Seriakova, T.A., Alzhanova, A.T. & Radzhabov, H.M. (1978) A comparison of the RNA-binding proteins with the proteins of polyribosomal messenger ribonucleoproteins in rabbit reticulocytes, *European journal of biochemistry*. 90, 527–35.
2. Ovchinnikov, L.P., Spirin, A.S., Erni, B. & Staehelin, T. (1978) RNA-binding proteins of rabbit reticulocytes contain the two elongation factors and some of the initiation factors of translation, *FEBS letters*. 88, 21–6.
3. Spirin, A.S. (1978) Eukaryotic messenger RNA and informosomes. *Omnia mea mecum porto*, *FEBS letters*. 88, 15–7.
4. Minich, W.B., Korneyeva, N.L. & Ovchinnikov, L.P. (1989) Translational active mRNPs from rabbit reticulocytes are qualitatively different from free mRNA in their translatability in cell-free system, *FEBS letters*. 257, 257–9.

5. Minich, W.B. & Ovchinnikov, L.P. (1992) Role of cytoplasmic mRNP proteins in translation, *Biochimie*. 74, 477–83.
6. Evdokimova, V.M., Wei, C.L., Sitikov, A.S., Simonenko, P.N., Lazarev, O.A., Vasilenko, K.S., Ustinov, V.A., Hershey, J.W. & Ovchinnikov, L.P. (1995) The major protein of messenger ribonucleoprotein particles in somatic cells is a member of the Y-box binding transcription factor family, *The Journal of biological chemistry*. 270, 3186–92.
7. Evdokimova, V., Ruzanov, P., Imataka, H., Raught, B., Svitkin, Y., Ovchinnikov, L.P. & Sonenberg, N. (2001) The major mRNA-associated protein YB-1 is a potent 5' cap-dependent mRNA stabilizer, *The EMBO journal*. 20, 5491–502.
8. Didier, D.K., Schiffenbauer, J., Woulfe, S.L., Zacheis, M. & Schwartz, B.D. (1988) Characterization of the cDNA encoding a protein binding to the major histocompatibility complex class II Y box, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 85, 7322–6.

А. В. ОЛЕЙНИКОВ

НЕНАУЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ ПАВЛОВИЧЕ ОВЧИННИКОВЕ

Я не был учеником ЛП, но мы были хорошими друзьями и много общались во время его приездов в Америку и моих посещений Пуццино. В моем семейном архиве есть фотографии тех лет, которыми я хотел бы здесь поделиться. Я поехал пост-доком из Института белка в лабораторию Роберта Траута в Калифорнийском университете в г. Дэвисе в 1991 году. Его лаборатория соседствовала с лабораторией Джона Херши, с которой наша лаборатория (я, Гия Джохадзе, Дима Бочкарев (все из Белка) и Женя Макаров – советско-российско-грузинский десант в Калифорнии) очень тесно общалась. С Джоном и сотрудничал в 90-е годы Лев Павлович, изучая белок р50. Он приезжал со своими сотрудниками/учениками (Валей Евдокимовой, Валей Устиновым), которые работали у Джона в лаборатории по несколько месяцев, а позже приехала Ляля Давыдова на большой срок. Мы много общались в каждый приезд Льва Павловича, обсуждали науку и не только. Я старался показать им красоты Калифорнии и возил в разные места в свободное от работы время. Главная достопримечательность Калифорнии, конечно, долины Напа и Сонома, где растут виноград и делают отличное вино. Особенно, если живешь в Дэвисе. От Дэвиса то Напы всего 40 минут езды, а потом вдоль долины можно ехать еще пару часов, заезжая в разные винодельни и пробуя их вино. Есть и другие замечательные места, как и замечательные люди, будь это в университете, на винодельне, в Капитолии города Сакраменто, или в небольшом сельском ресторанчике с настоящими

---

*Андрей Олейников,
профессор,
Флоридский Атлантический Университет.*

А вот так работает рибосома! – объяснил мне ЛП в первый же приезд. Дэвис, 1993 г.

С Виктором. «За родную Пущинскую землю». Дэвис, 1994 г.

Подарок от ЛП. Чтобы мы не забыли Вкус Родины. Пущино 2001 г.

американскими бургерами. Так что общение было еще одним приятным делом во время его визитов. Льва Павловича всегда было интересно слушать. Он умел хорошо и уважительно спорить на научные, и не только, темы. Это шло от его изумительной доброты, довольно редкой в людях. Общение с ним всегда доставляло удовольствие. Даже мой сын Виктор, не понимая ничего про науку, с удовольствием слушал Льва Павловича, и, конечно, любил с ним играть. А Лев Павлович любил его фирменный тост «За родную Пущинскую землю» (с ударением на последнем слоге). Собственно, это удовольствие от общения со Львом Павловичем и запечатлено на большинстве фотографий.

В лаборатории Льва Павловича в Институте белка. 1994 г. Сидят: Алик Ситиков, Олег Денисенко, Ляля Давыдова, Валя Евдокимова. Стоят: я и ЛП.

Что может быть лучше хорошей русской шутки для американского профессора на его юбилей? Лев Павлович и Джон Херши. Беркли, 2004 г.

П. В. РУЗАНОВ**ВОСПОМИНАНИЯ О МОЁМ УЧИТЕЛЕ**

Наша первая встреча со Львом Павловичем произошла на собеседовании при наборе студентов в Пушкинский Учебный Центр при Институте белка. Мы, то есть несколько одноклассников с биофака Красноярского Государственного Университета, приехали на своего рода вступительные экзамены. Оглядываясь назад, можно сказать, что для нас, сибирских провинциалов, престиж попасть в Учебный Центр был тогда сравним с поступлением на работу в Google или SpaceX. На тот момент Институт белка был местом, заряженным особой энергией, энергией исследования и удивительных открытий. Среднее звено (аспиранты и младшие сотрудники) тогда еще не разъехались по заграницам и можно сказать, что жизнь была ключом. Мы обходили лаборатории, знакомясь с персоналом исследовательских групп и проектами, над которыми они работали. Все вокруг было здорово и жутко интересно!

Знакомство с лабораториями происходило после собеседования, на котором Лев Павлович в окружении младших сотрудников сидел и благосклонно внимал той чуши, что мы несли, пытаясь ответить на вопросы. Собеседование проходило на редкость в доброжелательной форме, хотя спрашивали нас как общие, так и технические детали. Позже я и сам участвовал в таких «смотринах», вопросы там обычно задавали скорее с целью примерно понять уровень подготовки студента и выбрать себе кандидата на курсовую или диплом. Тогда же все это казалось дико сложным и серьезным, все хотели поступить и впечатление старались произвести как можно лучшее. Тем не менее грандиозных провалов не случилось и почти всех, кто поступал, в конце концов взяли. Что сразу поразило, так это культура общения в Институте – люди редко обращались друг к другу по имени-отчеству. В этом не было никакого панибратства, скорее дух некоего сплоченного коллектива, где все были на равных. Лев Павлович, как потом оказалось, был очень легок в общении и было видно, что люди к нему тянулись. Он сам был очень погружен в науку, несмотря на административные дела и лекции, которые занимали очень много времени.

Одним из проектов, над которым мы работали вместе, было освоение двугибридной системы. Тогда это был довольно новый и «модный» метод позволявший регистрировать факт физического взаимодействия белковых молекул. Лев Павлович доверил мне своего любимчика, белок р50, который с тех пор уже поменял название, но до сих пор активно изучается в Лаборатории. Помню, что делали мы этот проект, не слишком надеясь на выдающиеся результаты, а только посмотреть – получится ли что-то вообще. Метод предполагал использование культуры дрожжей, с которыми в Институте

---

*Петр Рузанов,
Институт онкологических исследований Онтарио,
Торонто, Канада*

никто не работал, и секвенирование ДНК, которое в конце концов осталось со мною надолго – я до сих пор занимаюсь анализом ДНК и генома человека. Все это происходило при поддержке Льва Павловича, который всем очень живо интересовался и консультировал нас по разным аспектам, связанным с работой р50. Проект в конце концов оказался довольно успешным и даже дал толчок развитию паре новых интересных направлений.

Байдарка – это увлечение, которым Лев Павлович заразил всю свою лабораторию, и многие из нас побывали хотя бы в одном многодневном походе. Поездка по озерам Карелии для меня наиболее памятная, так как это был для меня первый поход такой продолжительности. Байдарки мы получили в клубе Азимут, который располагался прямо в подвале дома Овчинниковых и был штабом и местом сбора разных колоритных личностей. Мы получили байдарки, повидавшие далеко не одно путешествие, и после недолгих сборов на поезде отбыли в Карелию. Карелия нас встретила прямо у дверей вагона тучей мошки, которая нас сразу облепила и стала пожирать заживо. Сразу и очень сильно захотелось домой. Как потом оказалось, кроме мошки в Карелии обитало много других кусачих насекомых, но со временем мы перестали их замечать. Лев Павлович тем временем демонстрировал разные продвинутые навыки из арсенала туриста, что несказанно облегчало наше путешествие. В один из дней, когда мы шли под проливным дождем, Лев Павлович мастерски развел костер, на котором мы смогли непринужденно вскипятить чай. Прохождение порогов также было памятным событием, хотя наши байдарки при этом получали повреждения и наши вечерние занятия были посвящены, в основном, штопке и заклеиванию пробоин. Карелия – это удивительный край с причудливыми, почти эльфийскими названиями рек и озер. К нашей гордости мы прошли весь намеченный маршрут, осмотрев достопримечательности, наловив рыбы и попробовав морошки. Вдоль по маршруту мы видели много поставленных сетей, и напоследок благодаря дипломатическим навыкам Льва Павловича обменяли у местных рыбаков карту окрестностей (довольно детальную и полезную в те времена) на рыбу ценной породы сиг. Одного такого рыбака мы даже пригласили к костру. За чаем рыбак нам обрисовал ситуацию с состоянием дел у местного населения, а также сообщил, что граждан застуканных за проверкой чужих сетей здесь незамедлительно топят на дне озера.

Еще одна памятная встреча произошла уже семь лет спустя, когда мы встречали Льва Павловича в аэропорту Сиэтла. Давний друг лаборатории Джон Херши устраивал что-то вроде вечера выпускников, на который были приглашены все бывшие сотрудники его лаборатории в Дэвисе, штат Калифорния. Дорога была неблизкая, но поездка того стоила – мы встретились с коллегами, которых не видели уже сто лет, прекрасно пообщались и получили массу приятных впечатлений. Примечательно то, что Лев Павлович после этого ехал на Восточный берег США, где планировал посетить бывших членов Лаборатории. К этому времени большая часть бывших сотрудников Института белка уже работали в разных точках Европы и Северной Америки, и Лев Павлович мог перемещаться от одного города к другому будучи уверенным, что везде его встретят бывшие ученики.

В последний раз мы встречались в конце весны 2019 года. Погода в Пушкино стояла чудесная, светило солнце и пели соловьи. Лев Павлович выглядел прекрасно, в лаборатории обстановка была оживленной. Мы немного посидели и поговорили с сотрудниками лаборатории, из которых я почти никого до этого не видел. Я был в Пушкино проездом, и Лев Павлович предложил мне посмотреть окрестные храмы, многие из которых были отреставрированы или построены заново. Поездка оказалась довольно насыщенной и в итоге мы побывали в нескольких местах, не только в храмах, но и напоследок в Мелихово, музее Чехова, который оказался нам по пути. Можно говорить, что Россия, недостатки которой высмеивал Чехов, за сто лет особо не поменялась и никуда не делись Толстый и Тонкий, кумовство и мошенники всех сортов. Однако, если Вам посчастливилось иметь таких учителей как Лев Павлович Овчинников, заданные ими правильные ориентиры помогут Вам и тем, с кем Вы поделитесь приобретенным знанием, увереннее идти по жизни в нашем несовершенном мире.

М. А. СКАБКИН

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ОБ УЧИТЕЛЕ

Знакомство. В лаборатории Льва Павловича Овчинникова я проработал 14 лет, с 1993-го по 2008-й годы, с перерывом в один год, проведенный мною в Германии по стипендии Фонда Александра Гумбольдта. Далее в тексте я буду обозначать Льва Павловича для краткости как ЛП, хотя должен сразу отметить, что в лаборатории его никто так не называл. Между собой мы просто говорили: «Палыч», а лично к нему всегда обращались по имени-отчеству, как принято в России и что по-прежнему сильно удивляет иностранцев. Как-то непривычно писать эти заметки про ЛП, так как мне всегда казалось, что он будет вечным, и где бы я ни работал, всегда есть та самая «материнская» лаба, во главе которой стоит ЛП, и куда в любое время можно заехать, пообщаться с ним и сотрудниками или написать e-mail. Хотя вот и наступил момент, когда я все-таки пишу этот текст.

Я впервые увидел ЛП в июле 1993 года, во время поступления в Учебный центр молекулярной биологии при Институте белка РАН, приехав из Красноярска по окончании третьего курса кафедры биохимии Красноярского государственного университета (ныне Сибирский Федеральный университет СФУ). У нас было своеобразное общее собеседование, а потом несколько практических занятий в разных лабораториях, по результатам которых часть приезжих

Максим Скабкин

Пушкино, лаборатория Овчинникова 1993–2008

Немецкий центр исследования рака в Гейдельберге
(Deutsches Krebsforschungszentrum)

студентов отбиралась для обучения в Учебном центре и параллельной работы в институте. Идея была замечательная в том, чтобы максимально совместить интенсивные исследования по тематике лабораторий с изучением специализированных курсов, читаемых как сотрудниками Института, так и приглашенными профессорами из Москвы. Я некоторое время колебался, какую лабораторию выбрать для дальнейшего обучения и будущих исследований, но довольно скоро остановился на Лаборатории регуляции биосинтеза белка, возглавляемой ЛП. После разговоров с сотрудниками мне стало ясно, что тематика интересная. К тому же все в Институте отзывались об этой лаборатории и лично об ЛП очень позитивно. Еще на начальной стадии нашего поступления нам была прочитана своеобразная вводная лекция об Институте белка и его Учебном центре. Лекцию эту сделал ЛП, как научный руководитель Центра и замдиректора Института. Руководителем Центра был и до сих пор является Георгий Гительзон, много сделавший не только для притока свежей крови в Институт белка, но и вообще для популяризации биологии среди молодежи в России. Возвращаясь к лекции, помню, что в аудиторию вошел высокий человек в костюме, с огромными очками и седеющими волосами. Тогда ЛП был еще член-корреспондентом и выглядел как типичный ученый высокого ранга. Говорил интересно и очень солидно. Для меня он являлся третьим членом Академии наук, кого я видел вживую. Первым был академик-биофизик Иосиф Гительзон, который читал нам лекции в Красноярском университете, а вторым – будущий первый ректор СФУ академик Евгений Ваганов. Речь ЛП произвела большое впечатление, и я даже решил, что у него бас, хотя потом коллеги с музыкальным бэкграундом уверяли меня, что это на самом деле «замаскированный для солидности» тенор. В таких делах, как публичные выступления, как мы теперь все хорошо знаем, важно себя правильно подать. «Подавать» себя и свои исследования ЛП умел превосходно. Потом, конечно, у меня было личное собеседование с ним для окончательного моего утверждения в лаборатории. Из того собеседования только помню, что он проявил интерес к моим научным предпочтениям, также спросив, что привлекло меня в науку и нет ли у меня каких-нибудь научных родственников, и еще объяснил проблемы, которыми занималась лаборатория, дав мне на лето несколько репринтов статей. Этого было достаточно, чтобы я почувствовал себя тоже приобщенным к высокой науке. Даже эти статьи я все прочитал. Вот так прошло мое знакомство с моим будущим многолетним шефом.

ЛП и наука. Всю свою жизнь ЛП занимался исследованием белков информосом – клеточных РНК-белковых комплексов, открытых Александром Спириным еще в начале 60-х годов. Собственно, примерно в то же время он и поступил в лабораторию Спирина аспирантом, присоединившись к сплоченному и очень активному коллективу энтузиастов, сфокусировавших свои интересы на информосомах. Успехи этого коллектива, включая самого ЛП, были в 1976 году отмечены Ленинской премией, являвшейся высшей научной наградой в СССР. ЛП в этой группе был самым молодым и,

при этом, на тот момент еще только кандидатом биологических наук, и такая солидная награда сразу подняла его на высокую научную ступень в иерархии советской науки. Примерно в то же время он сформировал свою собственную группу, которая стала изучать отдельные белки информсом и их роль в регуляции синтеза белка в эукариотических клетках. Когда я оказался в лаборатории ЛП, главным объектом его интереса, оставшимся таковым до его самых последних дней, стал белок р50. Этот белок был описан знаменитым ученым Гюнтером Блобелем еще в начале 70-х, как универсальный мажорный компонент информсом, присутствующий в клетках различных организмов. ЛП прозорливо угадал, что универсальный, преобладающий компонент должен играть принципиальную роль в формировании информсом и их активности в синтезе белка. Более того, исследования ЛП и его зарубежных коллег обнаружили, что р50 является не только важнейшим регулятором биосинтеза белка, но и фактором транскрипции, контролирующим экспрессию генов, чьи продукты вовлечены в поддержание целостности генома. р50, позднее переименованный в УВ-1, был первым описанным белком с такой «двойной» активностью в ДНК- и РНК-зависимых процессах. Переориентация лаборатории на р50, стимулированная ЛП, привела к интересным пионерским исследованиям и открытиям, опубликованным в многочисленных научных статьях, до сих пор высокоцитируемых коллегами по всему миру. Начинали эти исследования под руководством ЛП его молодые коллеги Вальдемар Миних и Валентина Евдокимова, а к моменту моего ухода из лаборатории уже все сотрудники были вовлечены в исследование р50.

При мне ЛП сам эксперименты уже не проводил, что является обычной практикой завлабов по всему миру, вынужденных заниматься бесконечным написанием грантов, отчетов, рецензий и присутствием на различных конференциях и митингах, напоминая о важности проводимых ими исследований. Обычно он сидел в своем кабинете, что-то читал, писал или с кем-то беседовал. Будучи заместителем директора Института, а затем и директором, он должен был также проводить много времени на различных заседаниях и встречах. Для научного обсуждения проблем ЛП, как правило, приглашал сотрудника для беседы к себе в кабинет и такой разговор мог весьма затянуться. Поговорить ЛП любил, и иногда обсуждение научной тематки перетекало в более общие темы. Другой формой его руководства являлись еженедельные семинары по пятничным вечерам. Как правило, каждый сотрудник, включая студентов, которые проработали уже хотя бы полгода, должны были рассказать о своей исследуемой задаче и ознакомить остальных с достигнутыми за неделю результатами. Тут ЛП проявлял дотошность и щепетильность, характерную для представителей научной школы Александра Спирина. Суть этого подхода – четко сформулированная научная задача, правильно выстроенная схема эксперимента со всеми необходимыми контролями и хорошо обдуманые результаты. Как сейчас помню сидящего за большим семинарским столом ЛП, по несколько минут вгля-

дывающегося в какую-нибудь картинку или график, с поднятыми на лоб очками, чтобы можно было повнимательнее рассмотреть детали. Выволочек или разгонов ЛП никогда не устраивал. Тут вообще следует отметить, что он всегда в общении был очень корректен, обращаясь ко всем на Вы, голос старался не повышать и не ругаться. Если что-то было не так, он ясно просил переделать эксперимент, внося какие-либо коррективы. Изредка, если спор становился достаточно жарким, в качестве последнего аргумента он мог с раздражением выдать: «Я руководитель. Отвечаю за исследование и прошу сделать именно так». Но такое бывало очень редко. При этом вполне возможными являлись ситуации, когда ЛП соглашался с аргументами и на своей позиции не настаивал. Я бы сказал, что он был достаточно гибким человеком, что довольно сильно отличало его от его же учителя Александра Спирина, предпочитавшего до конца настаивать на собственном мнении, даже если оно казалось весьма спорным.

У дотошности и тщательности, проявляемыми ЛП, была и обратная сторона. Часто он считал, что статья (по сути, научная история) должна дозреть до кондиции, то есть отсылки в журнал. Этот подход вполне укладывался в традиции старой советской школы, когда достоверность и качество данных были гораздо важнее скорости их публикации. Но со все более возрастающей интеграцией российской науки в мировую и стремительным ускорением последней, даже небольшое промедление могло создавать проблемы, прежде всего связанные с конкуренцией с хорошо укомплектованными и обладающими большими ресурсами западными лабораториями. Спешку ЛП не любил, опасаясь за качество исследования. Особой историей являлся процесс написания статей. Тут я должен честно признаться, что свое самое большое умение – умение работать с текстом, я приобрел от ЛП. Он проделывал эту работу очень тщательно. Читал по многу раз, исправлял карандашом кучу предложений, но иногда это затягивалось. Процесс редактирования текстов у ЛП напоминал параболу с четкой точкой максимума – до поры до времени приносимый текст становился все лучше и лучше, достигая пика совершенства. Однако, на каком-то этапе ЛП, увлекшись, начинал частенько исправлять уже собственные правки, нарушая стройность вполне достигшего своей зрелости текста. Тут важно было правильно улучшить момент и попридержать текст, чтобы ЛП мог «остыть» и посмотреть на него свежим взглядом, оценив уже обретенную законченность и логичность. Такой прием, как правило, срабатывал.

Вообще, должен признаться, сейчас я с грустью вспоминаю, что та научная строгость и продуманность исследований, культивируемая в Институте белка академиком Спириным и его учениками, уже совершенно потеряла свою актуальность и значимость в современном научном мире. Погоня за быстрыми публикациями в топовых журналах и громкими заявлениями приводит к повсеместному лавинообразному браку, поспешным невоспроизводимым выводам, а зачастую, и к прямым фальсификациям. Сказывается и легкая доступность ресурсов во многих зарубежных лабораториях, где частенько за изобилием генерируемых данных теряется трезвый

анализ полученных результатов. Наука превратилась в чистый бизнес со всеми вытекающими издержками.

ЛП и директорство. Лев Павлович по-настоящему любил науку и мог часами обсуждать научные темы. Но, будучи известным ученым, академиком, он неминуемо вынужден был выполнять различные административные обязанности. Помню, как он очень не хотел становиться директором Института после Спирина. Где-то на рубеже девяностых и нулевых появился закон, запрещающий после 70-лет занимать директорский пост. В 2001-м Спирина как раз исполнилось 70 лет, и он решил поддержать этот закон личным примером, покинув пост директора основанного им и долгие годы возглавляемого Института белка. В качестве преемника он выбрал ЛП, что было вполне логичным, учитывая статус и положение последнего. Однако, ЛП искренне сопротивлялся. У нас каждый день в 4 часа проходил лабораторный чай, за которым шли обычные разговоры, иногда, впрочем, чрезмерно затягивающиеся. И вот ЛП в раздражении как-то сказал: «Спирин уговаривает меня занять пост директора. Я не хочу. А он утверждает, что это мой долг перед Институтом. Однако, я ему возразил, что свой долг полностью выполнил, став в свое время членом Партии». Тут следует пояснить, что во времена СССР руководитель академического института, как правило, был членом КПСС, хотя для некоторых знаменитых ученых – основателей институтов, таких, к примеру, как П.Л. Капица, В.А. Энгельгард, М.М. Шемякин и пр., делались исключения. Однако, даже в таких институтах сотрудники рангом пониже все-таки в Партии должны были членствовать. Так как сам Спирин членом КПСС никогда не был, то нежелательная роль поддержателя правильной идеологии в Институте досталась в том числе и ЛП. Спирин был очень авторитарным и настойчивым человеком, и ЛП после долгих уговоров все-таки стал директором. Со временем он смирился с этим постом и даже наловчился совмещать его с активным руководством лабораторией. Хотя, надо признать, больших самостоятельных возможностей в направлении кадровой политики института и его научной тематики у ЛП особо и не было, так как последнее слово в значительной степени оставалось за Спириным, обладавшим огромным авторитетом и влиянием в научной среде и в руководстве Академии наук. В качестве иллюстрации такого неформального влияния Спирина вспоминается история, как приехавший из США известный молекулярный биолог N.N. попытался открыть свою лабораторию в Институте и имел на эту тему продолжительный разговор с ЛП. Через некоторое время, на очередном лабораторном чае, ЛП сказал, что вынужден был N.N. отказать, так как кто-то (не помню) напугал его, наговорив, что N.N. будет разводить в своей лабе каких-то опасных патогенов, всякую микоплазму, да и вообще, мол, Спирин против. Последний аргумент, очевидно, и был решающим. На этом история N.N. в Институте белка завершилась.

ЛП и отдых. Любимым занятием ЛП вне науки был активный туризм в виде походов на байдарке. Каждый год, за несколько месяцев до отпуска, он начинал сколачивать компанию для байдарочных походов. По мере

старения его компаньонов, он все более «омолаживал» свою команду, уговаривая даже аспирантов и студентов. Я никогда в поход с ним не ходил, так как опасался, хотя и напрасно, его продолжительных научных бесед в отпускное время. Кроме того, мне было важно регулярно навещать маму и остальных родственников, проживающих далеко в Сибири. Из походов ЛП всегда возвращался похудевшим, загорелым и очень воодушевленным. Остальные также всегда были в восторге, рассказывая истории, иллюстрированные многочисленными фотографиями морей и рек, копченой рыбы и романтических закатов. Сплавлился ЛП, как правило, в Карелии и на Белом море, и, по мере развития рыночной экономики в России, все больше жаловался на то, что какие-то части рек и озер стали закрыты для свободного доступа предприимчивыми людьми.

Туристическая натура ЛП иногда проявлялась неожиданно. Помню, мы обсуждали поездку в Санкт-Петербург в 2002 году на очередной Всероссийский Биохимический конгресс. Тогда еще между Питером и Москвой ходили обычные поезда, а не какие-нибудь летающие Сапсаны. Встал вопрос о том, брать ли до Питера плацкарт или купе. Я спросил у ЛП, что он предпочитает. Ответ был кратким: «Максим, вы же знаете, что я турист». Подразумевалось, что ему все равно, как ехать, так как настоящий турист плацкартой не брезгует. Все-таки выбрали купе. Но в такие моменты даже не стоял вопрос, что ЛП поедет как-то отдельно с комфортом, в отрыве от коллектива, учитывая его высокий научный и административный статус. В этом была вся сущность ЛП. Он был очень демократичным, буквально народным, академиком, как сказала позже его замечательная ученица Валя Евдокимова.

Действительно, ЛП всегда с энтузиазмом соглашался на участие в различных пикниках и празднествах, организованных в лаборатории. Причем всегда брал свою милейшую супругу Альбину Борисовну, привнося тем самым в общую атмосферу приятный семейный настрой, лишенный делового пафоса. По собственному опыту знаю, что подобные пикники очень популярны и в западных лабораториях, хотя частенько носят оттенок довольно искусственного «поддержания командного духа и сплочения коллектива» — всей той ерунды, которой мы на наших пикниках и празднествах никогда не заморачивались, просто наслаждаясь отдыхом и приятной атмосферой.

ЛП и зарубежные контакты. Как я уже упоминал, ЛП был типичным классическим ученым и всегда считал контакты с зарубежными коллегами важнейшей предпосылкой для нормального развития науки. Сам он, будучи еще молодым сотрудником Спирина, активно ездил в зарубежные командировки для стажировки и проведения совместных исследований. ЛП любил иногда рассказывать про такие поездки. Бывали и курьезные случаи. Удивительной особенностью ЛП являлась его ежедневная потребность в супе на обед. Он сам часто говорил: «Без супа я не могу. Мне на обед нужен суп». Следствием такой супозависимости стали его довольно прохладные впечатления о первой длительной стажировке в Институте Пастера в Париже. Он вспоминал, как домохозяйка, у которой он снимал квартиру,

не варила ему супов, и это очень негативно сказывалось на его самочувствии и продуктивности. Другая история, о которой он рассказывал, случилась во время его стажировки в Техасе у известного рибосомолога Бойда Хардести. Как-то с еще одним молодым специалистом из Польши они отправились колесить по техасским прериям и заехали на какое-то ранчо, где местные ковбой-фермеры отмечали какое-то событие. Палыч с поляком присоединились к ним, и в какой-то момент ведущий, заметив незнакомые лица, вызвал их на сцену. Начал вначале расспрашивать поляка, кто он такой, откуда и чем занимается. Затем всех призвал пить за его здоровье. Затем перешел к ЛП, повторив свой опросник. И за ЛП тоже все прокричали одобрительные возгласы и выпили. Было это во времена еще «глухого» СССР, и очевидно ЛП был поражен теплым приемом крутых техасских парней, оказавшихся бесконечно далекими от зловещего образа прожженных кулуксклановцев, какими рисовала тогда техасцев советская пропаганда.

Уже при мне основными западными партнерами ЛП по науки были известные ученые Джон Херши из Калифорнийского университета в городе Дейвис и Реймонд Кемпфер из Еврейского университета в Иерусалиме. С обоими у нас были совместные интенсивные исследования, а с Джоном ЛП долгие годы поддерживал очень теплую личную дружбу, неоднократно посещая того в его доме в Беркли и приглашая Херши к себе в Пушкино. Приведу здесь маленькие штрихи о визитах обоих в Россию.

Как-то приехал Кемпфер для написания совместного отчета и обсуждения дальнейших планов. Он очень увлекался коллекционированием часов, и ЛП решил отвезти его к местному часовщику, для возможного приобретения чего-нибудь диковинного. Как потом рассказывал нам ЛП, часовщик, весьма пожилой дед в соответствующем образе, выложил перед западным профессором свою «коронную» коллекцию, якобы еще царских времен, рассказывая в духе барона Мюнхгаузена о каждом механизме. Кемпфер поинтересовался ценой, на что часовщик назвал какие-то очень внушительные суммы, подчеркнув популярность товара у бизнесменов. Кемпфер сразу погрузился и спросил вкрадчиво: «А есть ли у Вас что-нибудь для обыкновенного профессора?» К сожалению, для обыкновенного профессора у властителя стрелок и шестеренок ничего не нашлось. Однако Кемпфер был человеком весьма практичным и без часов все-таки из России не уехал. Откуда-то с незапамятных времен в нашей лаборатории, на рабочем столе для проведения экспериментов, всегда лежали большие старинные авиационные часы с огромными стрелками. Никто ими не пользовался, и их происхождение мне было неизвестно. Кемпфер засек эти часы при первом же посещении лаборатории и попросил ЛП подарить их ему. ЛП охотно согласился, но оказалось, что возникли какие-то сложности с их вывозом, решить которые все-таки удалось. Кемпфер был счастлив.

История с Херши была проще, но и более показательной для тех времен. Херши жил в Беркли, недалеко от благодатных долин, славящихся своим отличным Калифорнийским вином. Соответственно, вино Херши любил и

прилично в нем разбирался, зная многие винодельческие места в СССР. Во время одного из его визитов в Россию ЛП решил угостить американского профессора и винного эксперта каким-то продвинутым вином из известного в то время в Пущино и весьма популярного винного магазина, имевшего то ли имя, то ли прозвище «Погребок». ЛП добыл там достаточно дорогую и редкую марку и решил попотчевать Херши. Тот понюхал, попробовал, скривился и выдал четкое заключение «Не чувствую вкуса дуба», намекая на то, что это так называемое «вино» с дубовой бочкой явно никогда не встречалось. Да, в те времена 90-х, начала нулевых, всякие подделки и контрафакты были очень распространены по всей стране.

Раз в два года ЛП с удовольствием ездил на конференцию по биосинтезу белка, проходившую в знаменитой лаборатории в Колд Спринг Харбор на Лонг Айленде. Там он интенсивно общался с зарубежными коллегами, обменивался идеями и по возвращении рассказывал про последние достижения и тренды в науке. Но, начиная с 2006 года, ездить туда он перестал, взамен посылая кого-нибудь из лаборатории. На мой вопрос, почему он решил манкировать такой престижной конференцией, ЛП ответил, что встречает все меньше и меньше знакомых ему ученых. Появилось, дескать, много неизвестной ему новой молодежи, использующей подходы и методы, которые он не очень позитивно воспринимает из-за их неясности и неточности. ЛП начинал чувствовать себя немного чужим на этом празднестве новых энергичных молодых волков, шустро осваивающих популярные концепции и выделяемые бюджеты. Фактически, это было пришествие так называемой эпохи Big Data в биологию, когда стали популярны тотальные анализы транскриптомов, протеомов и прочих омов, без должного внимания к конкретным задачам и критического осмысления извлеченных данных. Задача эта перекладывалась, по сути, на плечи ученых, воспитанных в более критических консервативных традициях. Разумеется, идея подчищать за кем-то сгенерированный научный мусор большого восторга у ЛП не вызывала.

Тут, пожалуй, я и закончу свои краткие заметки и воспоминания, которыми я хотел поделиться о своем научном учителе, об одном из последних ученых-романтиков, полностью преданных научной истине и не поддавшихся искушению пойти на компромисс в угоду коммерческим целям, истинном народом академике и необыкновенном в личном плане человеке Льве Павловиче Овчинникове.

М. П. НЕКРАСОВ

* * *

Одно из первых воспоминаний, связанных со Львом Павловичем, было его обращение. Он ко всем и всегда, вне зависимости от ранга и возраста обращался на «Вы». Это много значило для прибывших молодых студентов, поступающих в Институт белка в Пушкино.

Со Львом Павловичем было всегда легко и интересно общаться. Несмотря на все свои научные регалии, заслуги и возраст, Лев Павлович вел разговор и беседы на равных, внимательно выслушивая идеи и аргументы, никогда не давя на собеседника.

В планировании экспериментов Лев Павлович всегда советовал держать в уме две рабочих гипотезы на возможный результат, и это работало почти во всех случаях.

Лев Павлович из той эпохи ученых и экспериментаторов, которые все делали с нуля – растворы, буферы, установки, и знал досконально свойства и влияние того или иного реагента в экспериментах и старался прививать эти знания нам. Сейчас, когда все можно сделать «китами», эти знания утрачиваются у молодых студентов.

Вспоминается интересный эпизод в связи с этим. Вскоре после начала работы в лаборатории, мне нужно было приготовить серию различных стоковых растворов для экспериментов. В общем, рутинная подготовка. Одним из них был раствор хлорида магния. Помню, Лев Павлович очень оживился, когда очередь дошла до этого реагента. Нужно было взвесить определенное количество этой соли и растворить в определенном объеме воды. Очень просто, но... оказалось не совсем.

Со Львом Павловичем мы потратили на приготовление этого раствора полдня и даже пропустили обед! Для Льва Павловича обед обычно был строго по расписанию.

Как это было: Лев Павлович начал с теории, концентрация ионов магния очень важна в наших экспериментах по трансляции и должна строго соблюдаться для правильной работы. Соль магния впитывает в себя воду в процессе хранения, что приводит к изменению относительного содержания магния во взвешенном количестве. Но как узнать сколько воды уже впиталось в соль, чтобы учесть ее массу и узнать точную концентрацию соли в растворе?

Я не знал, как это сделать, но видел, что соль в банке, из которой я брал для приготовления раствора, была на вид влажной.

Лев Павлович улыбнулся и сказал, что покажет, как **правильно** это определить.

Для начала он повел меня в библиотеку.... Там мы провели некоторое время, пытаясь найти нужную книгу для приготовления растворов. Нам нужен был справочник с таблицами по оптическим данным преломления

---

*Макс Некрасов,
лаборатория Овчинникова 1999–2003, Пушкино.*

солей в водных растворах. Вооружившись книгой, мы отправились на поиски нужного инструмента (рефрактометра), чтобы определить концентрацию раствора и сверить с таблицами данных. Мы достаточно долго ходили по этажам и коридорам Института в поисках прибора. Лев Павлович проявлял азарт и некоторое нетерпение, чтобы узнать результат, я начал уставать от поисков. Наконец прибор был обнаружен, и Лев Павлович ловко показал мастерство его использования и рассказал, как это устроено.

В итоге с помощью справочника и показаний прибора мы нашли искомую **очень точную** концентрацию раствора. Лев Павлович был очень доволен проделанной работой.

Этот несколько забавный эпизод один из множества, которые показывают, как Лев Павлович очень деятельно участвовал в обсуждениях, разработке экспериментов и уделял огромное внимание деталям, где, собственно, очень часто и скрывалась истина.

А. В. СОРОКИН

ПЛАВАЛИ С ЛП – ЗНАЕМ!

Зима 1998–1999: подал заявку на конкурс в Учебный центр при Институте белка РАН.

Весна 1999: получил приглашение на участие в конкурсе. Очень воодушевлен (до сих пор храню это приглашение).

Лето 1999: конкурс.

... все ребята (а в этом году было рекордное число абитуриентов – человек 30) толпятся у дверей институтской семинарской на первом этаже в ожидании своей очереди на собеседование.

... сам формат собеседования оказался новым для меня: в комнате заведующие лабораториями, заинтересованные в студентах, аспиранты и научные сотрудники Института. Абитуриентов по одному приглашают в комнату в алфавитном порядке, и отборочная комиссия задаёт вопросы на научные, околонаучные и иногда личные темы.

... что ж, я, Сорокин, располагаясь ближе к концу списка, имею достаточно времени понять, что и как, понервничать, перенервничать и успокоиться. Моя очередь. Пригласили в комнату. Довольно волнительно оказаться сидящим перед двадцатью экзаменаторами.

... мужчина, лет 55 на вид, с седеющими волосами, добрыми глазами, смотрящими через очки в роговой оправе, хитрым прищуром и добродушной улыбкой погонял по «матчасти». Удовлетворённый ответами, задаёт вопрос из «внешкольной программы»: «А почему белок при изoeлектрофокусировании не фокусируется в одной точке геля?»

Алексей Сорокин,
MD Anderson Cancer Center,
Техас, США

... 1 сентября 1999 года я, студент четвёртого курса, начинаю стажировку в группе человека с добрыми глазами, академика РАН Льва Павловича Овчинникова.

... ежедневные чаепития в 16:00 проходят под неисчерпаемое количество интересных историй от Льва Павловича. Ощутимым весом, красочностью и эмоциональностью отличаются рассказы про байдарочные походы.

... «А вы хотите?» – «А почему бы и нет!» (Лев Павловича никогда не обращался на «ты»). Вот так я проводил все последующие летние каникулы – занимаясь «мокрозадым туризмом» :) Карелия, Кольский, Белое море и побережье, полярный Урал, приполярная Сибирь – география рек, что мы прошли вместе. Были мысли про Камчатку... Отдельное внимание уделялось рыбалке: щука на блесну, хариус на мушку, треска на пескожила. Лишь тайменя на мышь не удалось... Да, коптильня для улова всегда имела весомый вес в наших рюкзаках (перед каждым походом мы собирались у Льва Павловича и распределяли, кто и что несёт из бивака).

... проекты, идеи, результаты, конференции, успехи. Всего этого не было бы без участия Льва Павловича.

... десять лет спустя, 1 октября 2009 года, я – постдок в MD Anderson Cancer Center.

... есть такая тройка: ментор–коуч–спонсор, необходимая для становления успешной карьеры. Ментор – наставляет, передает тебе свой опыт. Коуч – не помогает, а наводит тебя на способ решения задачи/проблемы. Спонсор – человек, который говорит «я знаю того, кто вам нужен» при определенных обстоятельствах. Лев Павлович оказался и ментором, и коучем, и спонсором в моей жизни.

Н. ПОПОВА

* * *

Я всегда вспоминаю Льва Павловича с очень светлым чувством. Если я закрою глаза, то, скорее всего, представлю его сидящим за столом и увлеченно что-то рассказывающим. Меня всегда восхищало его мастерство рассказчика, причем он одинаково увлеченно мог описывать как свои путешествия, так и результаты исследований. Несколько раз я слышала, как Лев Павлович рассказывал разным людям о белке YB-1. И он всегда это делал с таким энтузиазмом, как будто рассказывал о приключениях какого-то человека, а не о функции белка. Во время рассказа он делал паузы, хитро смотрел на собеседника, давая понять, что дальше сюжет станет еще более закрученным. Я понимала, что он рассказывает это далеко не в первый раз, и всегда удивлялась, как же ему удастся сохранить это ощущение новизны. Мне кажется, дело в том, что Лев Павлович смог сохранить какую-то детскую непосредственность и способность удивляться, и эти качества лично мне очень редко удавалось встретить в других взрослых людях.

Надя Попова,
лаборатория Овчинникова 2000–2004, Пуццино.

Д. А. КРЕТОВ

* * *

В моей памяти навсегда останется жаркое лето 2010 года, когда я участвовал в летней школе, проходившей в Институте белка в Пущино. В первый раз я увидел Льва Павловича в семинарской комнате, где он рассказывал про свою лабораторию, про регуляцию синтеза белка и, конечно, про свой любимый объект исследования – белок YB-1. Меня тогда сразу поразила та увлеченность и энтузиазм, с которыми он говорил об открытии «информосом», о развитии молекулярной биологии в России и о самых последних открытиях, сделанных в лаборатории. Сидя в плотно заполненной студентами семинарской и слушая Льва Павловича, я преисполнялся мыслью, что я прикасаюсь к чему-то по-настоящему значительному и важному, к «большой» науке! И я могу с уверенностью сказать, что именно тот, первый, семинар, зародил во мне интерес к изучению РНК-связывающих белков, которые я продолжаю исследовать и сейчас.

Мне повезло выполнять свой дипломный проект в группе Льва Павловича. За время работы в его лаборатории я очень многому научился, как в плане исследовательской работы, так и в плане человеческого. Лев Павлович всегда очень внимательно относился к научным фактам, следил за самыми последними исследованиями и учил критически смотреть на результаты. Он обладал обширными знаниями об истории молекулярной биологии – науки, которая только начала формироваться в начале его карьеры, и рассвет которой он застал. А его способность систематизировать факты, соединять их в единую картину делала его лекции по регуляции биосинтеза белка понятными и интересными.

В лаборатории всегда была очень доброжелательная, теплая атмосфера. Там, как мне кажется, каждый чувствовал себя как дома. И в этом, в первую очередь, была, конечно же, заслуга Льва Павловича. В каждом разговоре с ним чувствовался искренний интерес и глубокое уважение к науке, как чувствовалось и его уважение к людям. Лев Павлович был очень вежливым и обходительным человеком, и он по-настоящему заботился о своих сотрудниках и всегда уделял время каждому из нас, и научному сотруднику и только что пришедшему в лабораторию студенту. Даже будучи директором Института, он оставался очень доступным человеком и мог подолгу рассказывать о недавно прочитанной статье или просто истории из жизни.

Когда я учился в аспирантуре во Франции, Лев Павлович несколько раз приезжал туда, и я помню, как мы спорили и вели оживленные разговоры о

---

*Дмитрий Кретов,
Департамент Биохимии,
Медицинский факультет Бостонского университета,
Бостон, США*

новых результатах. Его не всегда было просто убедить в какой-то новой идее, но когда это удавалось, то это означало что идея на самом деле «стоящая». А еще Лев Павлович рассказывал про то, как он сам работал во Франции, в Институте Пастера, делился своими воспоминаниями, и мы сравнивали наши впечатления о жизни в этой стране. И вот тогда чувствовалась, что есть какая-то определённая связь между нами, что в чем-то наши пути схожи.

Я безмерно благодарен Льву Павловичу за то, что мне представился шанс поработать под его руководством, приобщиться к настоящей науке и впитать ту культуру работы и общения с людьми, которые он ценил. Я благодарен ему за вектор, данный моим научным интересам, а также за постоянную поддержку и заботу. Даже когда я уехал в Америку мы продолжали порой обмениваться письмами, которые я всегда читал с большой теплотой. Мне будет очень сильно не хватать этих писем за подписью «Ваш ЛПП» и разговоров с ним о науке и жизни. Но я думаю, что если мне когда-то придется организовывать свою лабораторию, то я бы хотел сделать ее похожей на лабораторию Льва Павловича в Институте белка, построенную на принципах уважения к науке и людям, и таким образом, его дело будет продолжать жить.

С. В. КОНОНОВА

* * *

Для меня знакомство со Львом Павловичем состоялось, как и для многих студентов, приехавших в Пушкино для выполнения дипломных работ, на его курсе лекций, посвященных синтезу белка. Эти лекции, читаемые на курсах повышения квалификации, для многих стали началом нашего пути в науку. Сейчас я уже не помню ни как он читал эти лекции, ни как принимал зачет, забылись многие другие лекции по другим предметам, а вот некая основа представлений о синтезе белка прочно засела в памяти. Второй раз моя встреча с ним состоялась намного позже, в 2014 году, когда я уже работала в Институте белка. Будучи уже академиком, директором института и заведующим лабораторией, он продолжал отличаться внутренней скромностью и человечностью. Эти качества поражали многих, кто был с ним знаком. Он сумел создать в лаборатории дружную рабочую обстановку. Менялись студенты, аспиранты и сотрудники, но этот дух в лаборатории продолжал сохраняться. Когда-то РФФИ выдавала гранты на научные школы. Пока ты работаешь в таком коллективе, ты часто не осознаешь, что ты действительно являешься учеником такой школы, оценить это можно только со стороны. Лев Павлович оставил после себя множество учеников, прошедших такую школу. А еще поражает его целеустремленность и работоспособность, ведь далеко

Светлана Кононова,
Институт белка РАН

не каждому дано пройти путь в науке от студента до академика. Мне повезло работать в разных научных коллективах, и под руководством Кулаева Игоря Степановича, и под руководством Льва Павловича Овчинникова. Хочется сказать, что именно такие люди создавали ту атмосферу, когда «понедельник начинается в субботу», когда работа интересна и приносит удовлетворение, таким ценным качеством руководителя могут похвастаться далеко не многие. Льва Павловича можно вспоминать как большого ученого, но мне он в первую очередь запомнился как добрый, внимательный и увлеченный не только наукой человек.

В. И. ЦЕТЛИН

* * *

Мне очень приятно сказать несколько добрых слов о Льве Павловиче. Как правило, в науке сближает выполнение совместных работ, а научные и дружеские контакты отражаются и укрепляются совместными публикациями в достойных журналах. Наши работы были в совершенно разных направлениях – от Льва Павловича я услышал много интересного о разнообразных активностях белка YB-1, а ему я в свою очередь рассказывал о наших исследованиях разнообразных белковых и пептидных нейротоксинов из ядов различных животных и о том, какими они являются инструментами для изучения рецепторов. Поскольку у нас есть хорошие возможности для синтеза самых сложных пептидов, для Льва Павловича были синтезированы пептиды (скорее всего являющиеся фрагментами YB-1) и был проведен ряд тестов, но какая-то гипотеза, по-видимому, не оправдалась и до совместной публикации не дошло.

Лев Павлович работал в Пущино, я в Москве, но познакомились мы в начале девяностых в Сакраменто (Калифорнийский университет), где Лев Павлович стажировался, а меня пригласили сделать доклад о взаимодействии нейротоксинов с никотиновыми рецепторами. Встреча для обоих была совершенно неожиданной и приятной, с тех пор мы были в очень хороших отношениях – включая встречи в Москве и Пущино и обмен новогодними поздравлениями и пожеланиями. Я искренне признателен Льву Павловичу и за поддержку в Академии.

---

*Виктор Ионович Цетлин,
профессор, член-корреспондент РАН,
Институт биоорганической химии
им. академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова РАН*

О. И. ЛАВРИК

* * *

Я была знакома со Львом Павловичем с 70-х годов, когда еще занималась исследованием аминоктил-тРНК-синтетаз и приезжала в Пушино на конференции по биосинтезу белка. Мы сотрудничали тогда со многими лабораториями в Москве, работающими в области биосинтеза белка. Почему-то особенно запомнилась встреча со Львом Павловичем, когда мы зашли к нему в лабораторию с нашим коллегой Алексеем Вольфсоном, работавшим в Институте биохимии. Лев Павлович тогда интересовался ассоциацией эукариотических аминоктил-тРНК-синтетаз с полирибосомами. Кстати, тема не утратила актуальности до настоящего времени. Дискуссия была очень интересной и, как все научные обсуждения с Львом Павловичем, очень подробной и полной неожиданных идей. Это были замечательные времена большого энтузиазма и новых открытий. Постепенно моя лаборатория уже в 80-е годы прошлого века стала уходить в область исследования репликации и репарации ДНК, и уже в нулевые годы мы стали довольно часто и регулярно встречаться с Львом Павловичем на российско-французских симпозиумах, которые проходили ежегодно и охватывали также украинских ученых и ученых из Латвии. Это был замечательный консорциум, функционирование которого поддерживалась со стороны Франции Национальным центром научных исследований (CNRS), а со стороны России – Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ). Значительную роль в организации такого сотрудничества сыграла инициатива Егора Васецкого из Института рака (Вилльжуив), с энтузиазмом поддержанная рядом российских лабораторий. Так случилось, что в рамках этого консорциума моя лаборатория и лаборатория Льва Павловича сотрудничали с лабораторией Патрика Курми в Университете Эври, поэтому безусловно стал нарастать наш интерес к любимому белку Льва Павловича – РНК-связывающему белку Yb-1. Нас интересовала регуляция систем репарации ДНК с

Рождение новых идей (Патрик Курми, Лев Овчинников).

---

*Ольга Ивановна Лаврик,
профессор, академик РАН,
Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН.*

Завтрак в Листвянке – Патрик Курми, Ольга Лаврик, Лев Овчинников.
Российско-французский симпозиум GDRI, 2012 г.

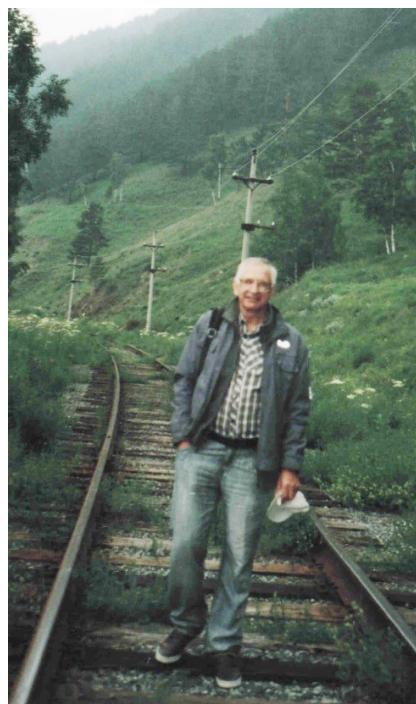
Путешествие на корабле по Байкалу – С.В. Разин, О.А. Донцова, Л.П. Овчинников.

помощью процесса поли(АДФ-рибозил)ирования, который осуществляет в человеческой клетке фермент поли(АДФ-рибоза)полимераза1 (PARP1). В ходе этого процесса клетка создает разветвленный полимер АДФ-рибозы (PAR), который можно рассматривать как третью нуклеиновую кислоту, более близкую к РНК. Поэтому появились идеи о том, что Yb-1 может взаимодействовать с этим полимером, который в клетке существует как в ядре, так и в цитоплазме.

Наша совместная работа позволила впервые показать, что Yb-1 действительно взаимодействует с поли(АДФ-рибозой) и является мишенью поли(АДФ-рибозил)ирования, то есть была открыта взаимосвязь этого белка с регуляцией процессов репарации ДНК и, возможно, других ключевых клеточных процессов. Впоследствии было установлено, что Yb-1 стимулирует активность PARP1 (Алемасова и др. в этом выпуске журнала). Исследование роли Yb-1 в процессах репарации ДНК мы успешно продолжаем.

Лев Павлович был настоящим ученым, бесконечно увлеченным своим делом. Научное сотрудничество с ним незабываемо и уникально по глубине и интересу научных дискуссий. Увлеченность наукой всегда отличала его от многих руководителей Институтов. Было всегда заметно, что другие проблемы его волнуют в гораздо меньшей степени, чем непосредственное развитие исследований, хотя он был наверняка очень хорошим директором и требовательным руководителем.

Незабываемы встречи с ним на конференциях на Байкале и в Новосибирске. Эти воспоминания я сопровождаю серией фотографий, сделанных во время этих встреч. Лев Павлович Овчинников принадлежал к замечательной школе российских молекулярных биологов, выросшей и сформировавшейся в России в 60-70-е годы прошлого века, когда было сложно работать, но эта плеяда ученых была воспитана в традиции служения своему делу и увлеченности наукой. Очень хотелось бы надеяться, что лучшие традиции этого поколения будут продолжены учениками, в том числе учениками замечательного ученого и человека Льва Павловича Овчинникова.

По шпалам к светлому будущему. Кругобайкальская железная дорога.

А. В. БАБАКОВ

* * *

Более 15 лет назад я заинтересовался белками с доменом холодового шока (CSD) растений. При поиске литературы по этим белкам я наткнулся на обзор Льва Павловича Овчинникова с соавторами, опубликованный в 2004 году в журнале «Успехи биологической химии». После прочтения обзора я понял, что было бы очень полезно поговорить с его авторами и обсудить интересующие меня вопросы. И случайно я обмолвился об этом своему коллеге из Института физиологии растений проф. Ю.В. Балнокину. Юрий Владимирович сказал, что близко знаком со Львом Павловичем и обещал устроить нашу встречу. Свое слово он сдержал, и мы отправились в Институт белка на встречу с Львом Павловичем. К нам присоединился мой аспирант Василий Васильевич Таранов, кандидатская диссертация которого была посвящена как раз исследованию механизма действия CSDP у растений.

Сначала мы коротко рассказали о наших проблемах, а затем в течение четырех часов Лев Павлович с увлечением рассказывал нам о своих задачах, стоящих перед его лабораторией в изучении белка с доменом холодового шока животных YB-1. Возвращаясь в Москву я сказал своим коллегам, что только настоящий ученый может с таким вдохновением в течение длительного времени увлеченно рассказывать о своей работе. По прошествии нескольких лет после защиты В.В. Тарановым кандидатской диссертации я отправил ее реферат Льву Павловичу, и спустя некоторое время узнал от Ю.В. Балнокина о высокой оценке нашей работы Львом Павловичем.

Следующий раз мы приехали в Институт белка на встречу с Львом Павловичем, когда освоили выделение белков холодового шока растений и приступили к исследованию их ДНК- и РНК-плавающей активностей. С этой встречи общение между нашими двумя лабораториями стало более активным. И когда я обратился ко Льву Павловичу с просьбой дать официальный отзыв о кандидатской диссертации, выполненной в нашей лаборатории и в которой была показана РНК-шаперонная активность CSDP растений, Лев Павлович мне ответил: «Кто же, как не мы обязаны это сделать». Наши контакты продолжались и вылились в результате в написание совместного обзора по белкам холодового шока бактерий и CSDP растений и животных, опубликованного в 2020 году в журнале «Успехи биологической химии».

Я разговаривал со Львом Павловичем после начала его болезни и был поражен его спокойствием и рациональным объяснением, основанном на научном подходе при объяснении мне механизма протекания своей болезни и применяемых лечащими его врачами способами лечения. Слушая Льва Павловича, я был уверен, что ему удастся справиться с постигшей его бедой, но к сожалению этого не произошло. Обсуждая со своими коллегами в лабо-

---

*Алексей Владимирович Бабаков,
профессор, доктор биологических наук,
Всероссийский институт сельскохозяйственной биотехнологии РАН.*

ратории, какое наиболее яркое впечатление осталось у нас всех в памяти от общения с Львом Павловичем, мы были единодушны – это доброжелательность и потрясающая увлеченность своей работой.

RAYMOND KAEMPFER
MY FRIEND LEV OVCHINNIKOV,
P50, THE AUGUST COUP AND A MANGO

During the 1969 Cold Spring Harbor Symposium on The Mechanism of Protein Synthesis, I lectured on my discovery of the ribosome cycle. Then at Harvard, I had shown that in vivo, the small and large subunits of bacterial and eukaryotic ribosomes are not permanently associated. Instead, ribosomes frequently undergo exchange of their two subunits, by dissociation and reformation from a pool of free subunits that continuously recycle through ribosomes. At lunch, I found myself sitting opposite Alexander ‘Sasha’ Spirin. Alex had been working on the structure of the ribosome, and he presented me with his model of the two ribosomal subunits cast in plaster, with lines drawn in ink to indicate locations of a few ribosomal proteins. I keep this early model of the ribosome till today in a glass cabinet in my office.

My first actual visit to Moscow took place only in 1983. I was then 43 years old. During those years, Israel had no diplomatic ties with the Soviet Union, but was represented by Holland. Exceptionally that year, however, 86 Israeli scientists were granted visas to attend the European Biochemistry Congress in Moscow, held in the Kremlin Crystal Palace. Our delegation stayed at the Rossiya hotel in the Red Square, a short walk from the Kremlin, and we were shadowed day and night by the KGB. On opening night, a formal reception took place. Standing in jacket and tie, I was accosted by two elderly Soviet gentlemen who looked closely at my name tag: “Raymond Kaempfer? Are you related to the Raymond Kaempfer that discovered the ribosome cycle?” “That was me”, I answered, and their reaction was “Oh no, we thought that it would be an old man with grey hair!”

In the course of the 1980s thereafter, I would visit and stay with my colleague and close friend Lev Kisselev in Moscow, as well as going to see Alexey Bogdanov. We would discuss termination of translation and the ribosome cycle. During one of these visits, Alex Spirin invited me out to Pushchino, two hours outside Moscow, where he hosted me and took me to his Institute of Protein Research to give a seminar. It was here that I first met Lev Ovchinnikov. We instantly drew close, and this visit became the start of a long and intense friendship. Alex took me to see his hunting lodge in the woods outside Pushchino, where he kept many rifles. Lev also drove me out of town, to collect potatoes that he grew on his field

---

*Raymond Kaempfer, PhD,
Department of Biochemistry and Molecular Biology,
Faculty of Medicine, The Hebrew University
Jerusalem, Israel*

in the woods. He kept these potatoes, then a scarce commodity, locked up safely in his garage, in a dugout under his car. Lev confided to me that his son, a student at Moscow University, kept those potatoes cool on the windowsill outside his tower dorm room; students living on higher floors had attempted to steal them by using ropes and hooks.

In Lev's lab, p50 (Y-box binding protein) was the key focus. He first speculated and later could show that by binding to mRNA, p50 controls translation. I would come to his Pushchino lab several times in the course of the years to discuss science, enjoying sumptuous meals prepared by his kitchen and lab ladies and featured long thereafter on Lev's annual New Year's cards. If I remember correctly, Valentina Evdokimova brought p50 to our lab at the Faculty of Medicine in Jerusalem, to spend a few weeks studying its role in our cell-free translation systems.

During one of my regular visits with Lev in the 1990s, I flew in from Budapest. Meeting me coming out at Moscow airport, Lev asked me "Are you hungry?". "No, I am from Hungary" I answered, to much laughter. On another notable occasion, Lev drove me back to Sheremetyevo airport and saw me through until passport control. The harsh officer demanded that I put all my foreign cash on the table. We had no credit cards then as yet, and I carried close to the permitted \$1,000 on me in cash. Had Lev not intervened actively, the officer would have confiscated all my money.

The most dramatic moment during my long friendship with Lev Ovchinnikov came in August of 1991. Lev had organized a Conference on Translation in Pushchino for early September of that year. In those days, we had no email or internet as yet; communication was with a few well-chosen words sent via telex. Because I had good access to telex at my institution, I could help Lev in keeping the participants abroad informed, including Nahum Sonenberg, John Hershey, and many other colleagues.

On August 18, however, there was an attempted coup to take control of the country from Mikhail Gorbachev and the Soviet government. Gorbachev was forced to resign. There was violence. Hundreds of tanks and thousands of soldiers rolled into Moscow. In the days following, things got worse. Lev sent me a telex: "Please tell all that our meeting is cancelled." That very same day, however, I had heard on the Israel radio news in my office that the August Coup had failed, and that Boris Yeltsin had climbed on a tank and was taking charge. That news was still unknown to Lev in Pushchino. I sent Lev my quick reply: "The meeting can go on, hear the news". He responded soon. What a relief. Next, I informed all the participants that they should indeed come and attend. I took the plane to Moscow, was met by Lev at the airport, and received a hero's welcome. I had saved the conference!

That same evening, I was the dinner guest at Lev Ovchinnikov's home. I had brought with me a large mango fruit from the Jerusalem market and presented it to the family. It caused great excitement. No one had seen a mango before. After our meal, Lev's daughter took out a knife and excitedly, with all looking on, cut herself a thin slice of mango. She was crying from emotion as she tasted it for the first time in her life. The conference became a great success and all of us even enjoyed a boat ride down the Oka River.

В. А. КОЛБ

* * *

С течением времени характер воспоминаний о навсегда ушедших людях может меняться: какие-то их черты выходят на передний план, какие-то перестают казаться главными. Наверное, нечто подобное будет происходить и с памятью о Льве Павловиче Овчинникове, но пока для меня, и, подозреваю, для многих других людей, образ академика Овчинникова прочно связан с его любимой работой, с наукой. Льва Павловича совершенно не смущало то, что практически все разговоры, возникавшие по самым разным поводам и обращениям, он заканчивал рассказом о новых данных по белку YB-1 – о своих или о недавно опубликованных коллегами. Иногда у меня возникала крамольная мысль о том, что бы случилось, сообщи кто-нибудь академику Овчинникову о неминуемом завтрашнем (в 5:43 пополудни, например) поглощении Солнечной системы гигантской чёрной дырой: перешли бы тогда собеседники к обсуждению фосфорилирования YB-1 или ограничились сожалением о том, как много вопросов об этом белке остались без ответов. Да, именно эта непреходящая имманентная преданность любимому делу и представляется сегодня главной чертой Льва Павловича, наряду со спокойствием и доброжелательностью.

Мне пришлось взаимодействовать со Львом Павловичем и в качестве его подчинённого, и в качестве его преемника на должности директора Института белка. Должен отметить, что работать с ним было приятно в обеих ипостасях: в обсуждении и решении даже очень сложных вопросов Овчинников сохранял спокойствие и конструктивный настрой, а его образ действий был бесконечно далёк от истерики. Лев Павлович терпеть не мог конфликтов и действий, приводящих к их обострению, поскольку конфронтация мешает заниматься любимым делом – решать научные задачи. Нелюбовь к «войнам» однако не делала его конформистом – у академика Овчинникова было достаточно воли, чтобы в вопросах принципиального значения противостоять даже самому злобному давлению. Так, например, однажды я спросил Льва Павловича, сможет ли он взять меня в свою лабораторию, если мне придётся уходить (это был период резкого осложнения отношений с моим научным руководителем). Он подумал в течение десятка секунд и ответил согласием. Это было мужественное решение, чреватое опалой, но принятое быстро. Я очень благодарен академику Овчинникову за эту поддержку. Думаю, именно она добавила мне в нужный момент уверенности в себе и смелости, чтобы защитить свою позицию в принципиальном вопросе.

Обобщая впечатления о работе в нашем Институте в разные годы его существования, я прихожу к выводу, что директорство Льва Павловича благотворно сказалось на коллективе Института: мы смогли немного перевести

дух и осмотреться в стремительно меняющейся стране. Да и в мире. Наверное, многие из моих коллег благодарны Льву Павловичу за его спокойный, мирный способ руководить.

Совместная работа с Овчинниковым была для меня и приятной, и результативной. Правда, наше общение ограничивалось в основном рабочими (научными и административными) вопросами – видимо, принадлежность к разным поколениям останавливала дальнейшее сближение, так что я мало знаю о его «неделовых», а просто человеческих или дружеских качествах. Но о многом можно догадаться, наблюдая реакцию других, особенно близких, людей на происходящее в жизни человека. Так случилось, что сообщать сотрудникам лаборатории Овчинникова о его кончине пришлось мне. Тогда я впервые в жизни увидел, как слёзы не покатились по щекам, а действительно брызнули из глаз. Это были слёзы Карины Будкиной, молодой научной сотрудницы лаборатории регуляции биосинтеза белка. Вообще же люди в лаборатории плакали и не стеснялись своих слёз, хотя уход Льва Павловича не был внезапным – все знали о его длительной и безуспешной борьбе с болезнью. Такая реакция коллег ясно говорит об их неподдельной скорби, и, значит, о замечательных человеческих качествах ушедшего руководителя и коллеги. Об этом же свидетельствует и активное, живое человеческое участие в судьбе академика Овчинникова учёных, попытавшихся организовать для него лечение новым методом. Эту трогательную попытку инициировала и предприняла Татьяна Васильевна Пестова, не пожалевшая ни времени, ни сил для Льва Павловича. И новый метод удалось применить! Лечение, проводившееся при всесторонней помощи Петра Михайловича Чумакова, несомненно, продлило активную жизнь и работу Льва Павловича, но, к сожалению, полностью победить болезнь не смогло. Со своей стороны, в попытку вылечить Овчинникова по современным западным протоколам активно и деятельно включились и Татьяна Власик, и Алексей Вольфсон. Увы, все усилия оказались тщетными – мы потеряли Льва Павловича. Надеюсь, что в конце своего жизненного пути академик Овчинников ощущал и осознавал доброе участие в его судьбе таких замечательных людей и их благодарность. Любовь и благодарность учеников – важный критерий состоятельности учёного. Глядя сегодня на лабораторию, созданную академиком Овчинниковым, разговаривая с её сотрудниками, я обретаю уверенность в том, что начинания Льва Павловича будут продолжены его ребятами, что его идеи будут воплощены в жизнь. И это – важное дополнение к тому образу Льва Павловича Овчинникова, который я храню в памяти.

М. Н. БРЫНСКИХ
ХОТЕТЬ ЖИТЬ:
ОТ ДАЧНОГО ПРУДИКА ДО ПРИТОКОВ ЕНИСЕЯ

Я впервые услышал «Лев Павлович» около 40 лет назад от моих друзей по общежитию МГУ в Пушкино. Аспиранты говорили о нем, молодом докторе наук, как о крутом во всех смыслах руководителе. Но только в 2010 году я воочию познакомился со Львом Павловичем Овчинниковым, уже академиком, директором Института РАН. Знакомство – типовое собеседование при устройстве на работу в Институт белка РАН – произошло, когда я устраивался на должность заместителя директора по общим вопросам. Со стороны Института в нем принимали участие академик А.С.Спирин, академик Л.П. Овчинников, доктор наук О.В. Федоров, и доктор наук А.В. Ефимов. Я думал, что это все из-за меня. Оказалось, что из-за меня присутствовал только Александр Сергеевич, а остальные присутствовали на собеседовании с каждым сотрудником, принимаемым на работу в Институт. Именно вот это отношение к людям меня потрясло в дальнейшем. Второй раз я «потрясся», когда, уже сотрудником института, я пришел ко Льву Павловичу в кабинет для обсуждения текущего вопроса. Я хотел подсесть к его рабочему столу, а он встал, пригласил меня присесть за небольшой столик и потом подсел к нему сам. И в последующем Лев Павлович никогда мне не отказал ни в одной аудиенции. А его разговоры! Можно было задать любой вопрос и получить на него развернутый ответ (а если спросить про белок YB-1, то получишь настоящий научный обзор).

Лев Павлович все время куда-то собирался. Как-то во время чаепития в дирекции Института он рассказывал, что совершил «траверс» по притокам Енисея. Даже для опытного путешественника (коим я себя считаю), многодневный переход с верховьев одного притока Енисея в верховья другого – это круто! На мой вопрос «Как Вы это выдержали?» он ответил: «Зато потом у меня перестали болеть колени». Я был восхищен.

Вспоминаются его ежегодные поездки в южную Азию. Я из своих путешествий всегда привозил какой-либо артефакт, и как-то, набравшись наглости, попросил Льва Павловича привезти мне камешек из значимого места. Я совершенно спокойно принял бы отказ, но Лев Павлович привез три камешка. Каждый был завернут в бумажку с описанием места и его краткой историей. И, конечно, его рассказы об этих поездках сами были настоящим подарком, со слайдами, с невероятными подробностями и местными терминами. И это не простые экскурсионные туры: все поездки были им лично составлены и организованы.

Как-то Лев Павлович пригласил меня в команду на рыбалку на северный Урал. Я отказался, но по возвращении поинтересовался, как прошла поездка.

---

*Михаил Николаевич Брынских,
к.г.н., Институт белка РАН*

В ответ – все прекрасно. Сказал, что все было хорошо, в том числе и дневной участок пути на гусеничном ходу по бездорожью.

Меня всегда восхищал этот мальчишеский азарт. Все время представляю, как этот мальчишка, из глухой глубинки, мечтавший стать зоологом, сумел поступить в МГУ, стать академиком. Он все время чего-то хотел. Знаний, познаний, достижений... Вспоминаю, как он «соревновался» со мной в выращивании водных растений. Он в прудике на своей даче, а я в бассейне в дворике Института. Как он радовался, что его нимфея расцвела раньше моей! Опять же, я прослушал научный доклад о том, как он организовал этот прудик, как сажал и выращивал это растение. Я всегда считал, что надо в жизни чего-то хотеть. Вот и Лев Павлович меня всегда потрясал этим своим жизненным хотением.

А. А. МИНИН

* * *

Лев Павлович Овчинников принадлежал к плеяде советских/российских биохимиков-классиков, благодаря работам которых сложились наши представления о функционировании аппарата синтеза белка. Его имя связано с открытием и изучением физико-химических свойств информосом (мРНК) в эукариотических клетках. Эти работы были отмечены Ленинской премией 1976 года. Исследования белковых компонентов мРНК, в частности УВ-1, заложили основу целого научного направления и представляли главный научный интерес Л.П.Овчинникова на протяжении всей его научной карьеры. Лев Павлович был ученым-энтузиастом, который легко воодушевлялся новыми идеями и любил делиться своим воодушевлением с коллегами. В то же время он всегда был требователен к качеству экспериментальных данных как своих сотрудников, так и полученных в других лабораториях. Беседы с ним о текущей работе были очень полезны, поскольку он быстро находил слабые места в рассуждениях и часто давал хорошие советы.

Любознательность ученого принимала у Льва Павловича порой поразительные формы. Будучи уже тяжело больным, он с большим энтузиазмом принял предложение П.М. Чумакова участвовать в экспериментальном исследовании действия онколитических вирусов на раковые клетки. Для этого ему приходилось довольно часто приезжать в Москву на процедуры и проводить некоторое время в нашей лаборатории. К результатам собственного лечения он относился как увлеченный исследователь: возбужденно рассказывал о наблюдаемых изменениях в самочувствии и данных анализов. Слушая его, я невольно забывал, что речь шла о здоровье моего уважаемого собеседника. По-видимому, азарт ученого помогал ему отвлечься от грустных мыслей. Таким и останется Лев Павлович в моей памяти: добрым человеком, увлеченным ученым, внимательным и терпеливым учителем.

---

*Александр Александрович Минин,
к.б.н., Институт белка РАН*

А. Д. НИКУЛИН

* * *

«И, конечно, я узнаю самые последние новости относительно белка YB-1», – думал я, ученый секретарь, подходя к кабинету Льва Павловича Овчинникова, директора Института белка РАН. Мне надо было подписать очередную «бумажку» для срочного отчета. Лев Павлович никогда не отказывал сделать это в неурочное время, но уйти от академика, не обсудив интересные научные события или свежую статью, было практически невозможно. Лев Павлович беззаветно любил науку и всегда с энтузиазмом делился своими знаниями с окружающими его людьми. Еще будучи студентом Учебного центра ИБ РАН, я это понял на лекциях, которые читал нам Лев Павлович. Он был замечательным лектором и вдохновенно преподавал нам курс биосинтеза белка, часто увлекаясь и превышая время лекции, и с удовольствием отвечал на наши вопросы. Его предмет – не самый простой, его лекции содержали большое количество фактического материала, но Лев Павлович умел преподнести его доступно и понятно. В то же время, он строго принимал экзамен, требуя такого же понимания предмета, как и преподавал. Студенты его уважали, но немного побаивались за такую требовательность. С другой стороны, прошедшие такую школу студенты чувствовали себя гораздо увереннее в научной работе в Институте и становились настоящими научными сотрудниками.

Но Лев Павлович был увлечен не только наукой. Он с упоением путешествовал и с не меньшими эмоциями рассказывал о тех местах, где побывал. Он неоднократно был в походах на байдарках по озерам и рекам Карелии и даже по притокам Енисея. В то же время Лев Павлович восторгался Индией и странами Юго-Восточной Азии и много раз там бывал. Его увлекательные рассказы про путешествия, которые сопровождались демонстрацией фотографий этих необычных для нас стран, очень запоминались.

Вот таким – жизнерадостным человеком, увлеченным путешественником, прекрасным учителем, требовательным исследователем, академик Лев Павлович Овчинников запомнится нам навсегда.

---

*Алексей Донатович Никулин,
д.х.н., Институт белка РАН*

Е. С. НАДЕЖДИНА

* * *

Беседы со Львом Павловичем Овчинниковым всегда были очень увлекательными. Он мог начать с неожиданных вещей, например, пригласить в байдарочный поход по Енисею или рассказать, что мирная речка Неккар в городе Гейдельберге за городской окраиной превращается в бурный горный поток, если идти и идти вдоль берега. Или угостить экзотическими фруктами, привезенными из Индии. Однако весьма скоро любая беседа склонялась к белку YB-1 (ранее p50), о котором Лев Павлович знал всё: про все его извивы и трещинки, про его перипетии в нелегком булькающем мире эукариотической клетки, про коварные козни неправильных антител и, главное, про перспективы дальнейшего исследования YB-1. Слушать его было интересно, хотя меня более привлекали центросомы с микротрубочками, у которых тоже были перспективы изучения и тоже непростая жизнь. Возможно, я видела перспективы менее ясно, чем Лев Павлович, и их могли изменить случайные события. На заре 21 века у меня в лаборатории появился Павел Иванов, видный деятель летне-школьного движения. Очень скоро Павел предложил изучать стрессовые гранулы, конгломераты РНП-содержащих частиц, полагая, что образование стрессовых гранул зависит от микротрубочек. Предположение оказалось верным, у нас появились доклады и публикации. Лев Павлович заинтересовался темой и сказал, что нужно, во-первых, изучить наличие YB-1 в стрессовых гранулах, а, во-вторых, исследовать связывание YB-1 с микротрубочками. С первой задачей мы справились легко, он там был, на что Лев Павлович заметил, что теперь есть тема для завязывания международного сотрудничества. Вернувшись из Франции, он рассказал, что удалось заинтересовать прекрасного человека профессора П. Курми, который, может быть, что-то сделает со стрессовыми гранулами и микротрубочками. Лев Павлович не прогадал, его статья про стрессовые гранулы с П. Курми вышла раньше, чем наша с Павлом аналогичная статья. Павел загрустил и навсегда ушел, увлекшись идеей получения культуры клеток дафнии. А тема YB-1 в стрессовых гранулах в лаборатории Льва Павловича продолжила развиваться, т. е. видение им перспектив оказалось безошибочным. Проблема взаимодействия YB-1 с микротрубочками решалась сложнее. Так сложилось, что в институте в микротрубочки никто не верил, полагая их выдумками московской группы. Проделав необходимые биохимические эксперименты, лаборатория Льва Павловича получила препарат, который имел серьезные претензии быть микротрубочками. «Лена, – сказал мне Лев Павлович, – мы отдадим препарат В.Д. Васильеву, пусть посмотрит его в электронный микроскоп. Он хочет понять, как устроены микротрубочки». На следующий день оказалось, что в электронном

Елена Сергеевна Надеждина,
д.б.н., Институт белка РАН.

микроскопе микротрубочки длинные и трубчатые, кроме того, совсем такие, как на картинках. С того момента микротрубочки утратили свой мистический ореол и превратились в осадок в пробирке. Их взаимодействие с YB-1 тем не менее изучали люди в Пущино, в Москве и в далеком французском зарубежье под руководством того же профессора П. Курми. Но никто, кроме меня, не мог сделать решающий эксперимент: посмотреть в электронный микроскоп ультратонкие срезы микротрубочек. Я тоже не могла, поскольку у меня не было ни специфического набора реактивов, ни ультратома, ни микроскопа. Но я сумела! Пришлось пойти к давним друзьям и пообещать, что вот только один раз мы посмотрим на микротрубочки в разрезе. Эксперимент, занимающий две недели, был сделан, срезы получены, сфотографированы, мою лично сравнены, никаких отличий в микротрубочках с YB-1 и без него не оказалось. Друзья ликовали и требовали магарыч. Заслушав результаты, Лев Павлович помрачнел и сказал, что надо бы повторить еще разок. Тут моя совесть дала серьезную слабину: ее ученая половина говорила, что эксперименты надо повторять, а вторая рациональная половина подсказывала, что микротрубочки «микротрубочкастее» уже не получатся, сколько ни повторяй. В общем, второй эксперимент отложили на потом, а срезы сделал профессор П.Курми, с тем же результатом, что еще больше расстроило Льва Павловича. Наши разговоры с ним о YB-1, впрочем, продолжались до самого его безвременного ухода. Он говорил долго, увлеченно, одновременно прислушиваясь к чему-то в перспективе.

Д. Н. ЛЯБИН

* * *

О Льве Павловиче можно вспоминать бесконечно долго. Настолько это был удивительный и запоминающийся человек. В силу некоторых причин я ознакомился практически со всеми очерками о Льве Павловиче из этого Сборника до того, как начал писать свой. Это дало мне возможность выбрать из моих воспоминаний те события или увлечения Льва Павловича, что еще не были упомянуты или недостаточно освещены моими друзьями и коллегами. Однако же я уверенно присоединяюсь ко всем их впечатлениям об этом уникальном человеке.

Пожалуй, меньше всего упоминалось об одном из любимейших увлечений Льва Павловича – о байдарочных походах. А между тем этому занятию ЛП (я позволю себе так упоминать Льва Павловича далее) уделял довольно много свободного времени, любил его и, возможно, только в походе чувствовал себя расслабленным и свободным. Казалось, он ходил в походы всю жизнь и знал много маршрутов. Начинал он, правда, не с байдарки. Как рассказывал ЛП, первый свой поход в 1961 году он совершил на Кавказ

---

*Дмитрий Николаевич Лябин,
к.б.н., Группа регуляции биосинтеза белка Института белка РАН.*

вдвоем со своим монгольским товарищем Амгаланом Дон-Догом (который собирался стать то ли первым, то ли вторым монгольским биохимиком).

Чуть позже в 1964 году с другим своим другом Димой Ивановым Лев Павлович совершил переход через главный Кавказский хребет (перевал в районе вершины Базар-Дюзи). Этот поход он часто вспоминал. Например, как перебирался через горную реку и сильно ушиб ногу, а потом стер свою обувь до дыр. Как ночевали на каком-то горном склоне в палатке, в качестве одной из опор которой использовали ружье. Палатку установили уже когда стемнело, а утром обнаружили себя на черничнике, который, судя по следам, посещал медведь... Но всё-таки байдарка со временем вытеснила горные походы и среди любимых мест для посещения оказались Мещера, Кольский полуостров, притоки Енисея, Полярный Урал, Карелия. В общем, те места, где природа не сильно тронута цивилизацией, где есть красивая река и рыба. В первый раз я ходил в поход с ЛП в 2002 году. Тогда я как раз защитил свою курсовую работу в Институте белка и был уже свободен от сессии в своем родном КГУ, а ЛП и наш коллега Леша Сорокин искали человека для очередного похода на Кольский полуостров. Ничтоже сумняшеся, я согласился составить им компанию, хотя раньше в глаза байдарку не видел, да и плавать не умел. Убедило меня то, что ЛП найдет и байдарку, и некоторое снаряжение, и палатку предоставит. Кроме того, собственное безрассудство, свойственное молодым людям, сыграло свою роль. Однако после первого похода и убеждать меня больше не нужно было. Поход произвел на меня такое впечатление, что мы ходили на байдарке с ЛП еще шесть раз до 2013 года: побывали на Кольском полуострове, Полярном и Приполярном Урале, на севере Красноярского края.

Как и работа, поход начинался с планирования: составление маршрута, поиск топографических карт, подготовка и проверка снаряжения. Особый ритуал состоял в том, что байдарку вывозили куда-нибудь и собирали, проверяли все ли на месте, при необходимости чинили. Кроме того, составляли список продуктов питания с тем расчетом, чтобы похудеть, но и не умереть с голоду. Обязательно нужно было взять рыболовные снасти. Когда я в первый раз увидел, что мы берем в поход, я не понял, как это всё можно уместить в байдарку и кто все это понесёт. Оказалось, что в байдарку, особенно трехместную «Неву» можно поместить и все необходимое, и небольшие излишества в виде походной коптильни. А носили в походе снаряжение все, в том числе и ЛП. Иногда совершали длительные переходы (волоки) километров по десять-двадцать. Даже в последнем нашем с ним походе, когда ему уже было 70, он без видимых проблем таскал свой 30-35 килограммовый рюкзак. Как правило, мы достигали места начала маршрута, да и обратно добирались, на поезде. Ехали всегда в плацкартном вагоне. Так было проще уместиться со всем нашим грузом, да и ЛП привык за всю свою длинную туристическую карьеру к таким, не самым комфортным, условиям. Однажды, как он рассказывал, пришлось ему ехать даже на багажной полке. ЛП мог легко познакомиться с соседями, обсудить путешествие, а некоторым, особо понимающим, даже рассказывал про YB-1, но совсем не научнообразно, а очень

доходчиво и без апломба. Слушающие проникались, задавали вопросы. На промежуточных станциях ЛП обычно угощал всю нашу компанию пирожками, иногда копченой рыбой, которые продавали местные жители. Местные жители предлагали проезжим не только съестное, но и алкогольные напитки. Впрочем, ЛП не предлагали – уж слишком интеллигентно и солидно он выглядел даже с двух-трехнедельной небритостью и в выдавшей виды штормовке.

После прибытия к месту отплытия происходила сборка байдарки и упаковка багажа. ЛП любил это делать сам: размеренно, ответственно и с нескрываемым удовольствием. Дальше начинался собственно поход, точнее путешествие. Именно путешествие, а не туристический маршрут, поскольку поход с ЛП это всегда был не строго определенный график движения. Зачастую, мы могли задержаться в каком-либо удачном месте (удачном для рыбалки или просто живописном), сходить в радиальные походы на близлежащие высоты или просто неспешно брести по реке и рыбачить, не торопясь достичь обязательно определенного места к определенному времени. Как в исследованиях ЛП любил свободу творчества и глубину поиска уже на более-менее намеченном пути, так и в походах любил побродить по реке, изучая всё вокруг. Например, поднимаясь по реке Афанасии на Кольском, ЛП заметил какой-то приток, который ему показался знакомым – давным-давно он был в этих местах и, возможно, там, за этим притоком, есть чудо-озеро, в котором тоже когда-то давно ловились крупные щуки. По карте было похоже: озеро, приток. Всё на месте. Но природа меняется. Озеро измельчало, щук сменили окуни, а может, и озеро не то. Однако по пути удачно порыбачили и наловили хариусов – самой вкусной рыбы в мире, не только по словам ЛП, но теперь и по моему глубокому убеждению. Вообще довольно часто, когда мы были в тех или иных местах, ЛП периодически говорил: «А вот в этом месте...», и далее: кто-то утопил свою байдарку; наводнение унесло сковородки; встретили какого-то человека (кажется, радиста) и купили у него сигов и кумжу и т.д.

Для меня ЛП открыл, что байдарочный поход – это совсем не обязательно сплав по реке. Можно ходить и вверх по реке, против течения. Впрочем, для этого придется поднапрячься, особенно на порогах и прочих так называемых «шкородерах». Кстати, к порогам ЛП не проявлял спортивного интереса и не относился к ним с особым пиететом. Иногда просто их проходил без предварительного осмотра, что изредка становилось источником небольших проблем: набором воды в байдарку или небольшими повреждениями её «шкуры». После подъема по реке мы либо сплавлялись обратно, либо делали волок в соседнюю реку и уже по ней сплавлялись.

Кроме того, как оказалось, на байдарке можно ходить не только по рекам и озерам. Однажды мы ходили и по Белому морю. Это было в мой первый поход. Мы походили на веслах по Ловозеру, поднялись и спустились по одной из впадающих в него рек, но всё это прошло довольно быстро – дней 7–8. ЛП сказал, что маловато, и предложил махнуть на Белое море и от ст. Пояконда добраться по морю до ст. Чупа. Честно говоря, идти по волнующемуся или даже штормящему морю на потрепанной байдарке со слегка треснувшим

Река Логорта, Полярный Урал. 2013 г.

кильсоном мне, человеку плохо умеющему плавать, было, мягко говоря, страшновато. Однако ЛП вел себя так, будто плывет по спокойным водам городского пруда, что придавало некоторую уверенность, даже когда его лодка терялась из виду за большими высокими волнами. Страх перед морем компенсировала и окружающая природа, которая мне была в диковинку (я в первый раз видел море вообще): приливы и отливы, фукус, морские звезды и даже белуха. Там же на Белом море ЛП учил, как надо добывать пескожила и ловить на него треску. Не только учил, но и поймал на ужин несколько штук. ЛП, вообще, как настоящий Учитель, старался передать все знания и навыки, которыми владел.

О Белом море у ЛП было еще одно яркое воспоминание. В молодости ЛП страстно хотел увидеть птичьи базары в Кандалакшском заповеднике. На тот момент единственной возможностью для него попасть туда было устроиться лесорубом на остров Ряжков. И вот, ему и его товарищу это удалось. Немного повалив древесину (не вполне качественно, как говорил сам ЛП), они отправились на байдарке «Прима» поглазеть на природу. Пропутешествовав несколько дней, «лесорубы» вернулись на Ряжков, где их ждала расплата: за прогулы, нарушение техники безопасности и, вероятно, невыполнение плана по лесозаготовке они были уволены.

Рыбалка в походе была основным развлечением и одной из главных целей похода для ЛП. Вне похода ЛП обычно не увлекался рыбалкой и его нельзя было увидеть на утренней зорьке на берегу Оки. Однако же, оказываясь в дикой природе, ЛП преображался в заядлого рыболова. Привлекала его активная рыбалка, когда не надо было сидеть на одном месте, а можно

Ловля хариуса. р. Большая Сарьюга. Улов. р. Лагорта. 2013 г.
2009 г.

ходить прямо по реке, по порогам и вылавливать, например, хариуса. Иногда, если рыбы было много, но она не клевала, ЛП трудно было остановить: ему обязательно надо было её поймать и он немного обижался, если его торопили и просили двигаться дальше. Ну, а если клев был слишком хороший... Помнится, на одном из притоков реки Косью – Большой Сарьюге, уже в верховьях, в очередной раз встретился мелкий участок реки, поросший белокопытником. Однако хариус просто сбивал с ног и просился быть пойманным. На традиционную мушку тамошний хариус не брал, но зато отлично брал на слепня, которого в тех местах было в изобилии. Рыбалка свелась к тому, что мы ловили слепня (в основном снимали с себя, конечно), насаживали на крючок и через несколько секунд вытаскивали хариуса. ЛП радовался как ребенок, ловил и говорил: «Ну, давай еще!», но всё-таки остановился, когда рыбы было достаточно для дополнения походного рациона.

В походе ЛП редко говорил о работе и об экспериментах, по крайней мере со мной – сотрудником его лаборатории, но если в компании были люди, ничего не знавшие об исследованиях ЛП или о науке вообще, то несколько небольших лекций можно было услышать. Впрочем сам ЛП с удовольствием слушал собеседников. Разумеется, часто в беседах речь заходила о бывлых туристических свершениях. Тут ЛП позволял себе изредка приукрасить некоторые события. Чего только стоит одна история, участником которой был и я. В конце нашего похода в Туруханском районе мы гостили у знакомого ЛП, который угощал нас по-простому, по-рыбацки, в том числе черной осетровой икрой в количестве максимум граммов 400,

ЛП вносит очередную заметку в дневник путешествия, р. Большая Сарьюга. 2009 г.

из которых четыре человека съели половину. Однако в рассказах ЛП банка постепенно превратилась в трехлитровую, а всю икру съел я и от этого мне стало плохо, что, конечно же, неправда: объелся я вовсе не икры, а всего лишь строганины из осетра.

Общительность и доброжелательность ЛП играла не последнюю роль в наших походах. ЛП умел располагать к себе людей, договариваться. Иногда неожиданными способами, но как всегда по-человечески, очень по-доброму и интеллигентно. Завершив один из наших походов в селе Краснощелье на Кольском, мы оказались в некотором раздумье, как добираться до ближайшей железнодорожной станции. На нашу удачу Лев Павлович разговорился с местным лесничим, который нас пригласил к себе домой. Естественно, разговор зашел о профессиональной деятельности и заметно было, что хозяин не вполне понимает, чем занимается ЛП. Но тут ЛП заметил на книжной полке лесничего какую-то энциклопедию, взял её, нашел статью о себе (!) и показал хозяину. Не знаю, дело в описании научных интересов ЛП или его научных регалий, указанных в энциклопедии, но лесничий, прочитав статью, позвал жену и с гордостью рассказал ей, кто гостит у них в доме. Потом он позвонил на местный аэродром и договорился, чтобы нас на нереисовом вертолете за символическую цену подбросили до села Ловозеро, откуда до ж/д станции добраться гораздо легче. На прощанье лесничий вручил нам баночку консервированной ряпушки собственного производства и бутылку колодезной воды. Воду попросил проверить на вредные примеси и тяжелые металлы. И надо отметить, что ЛП по приезде договорился с одной из Пущинских лабораторий: воду проверили. А отчет о её превосходном качестве был отправлен в Краснощелье письмом.

ЛП делится впечатлениями со случайными знакомыми. с. Ловозеро. 2007 г.

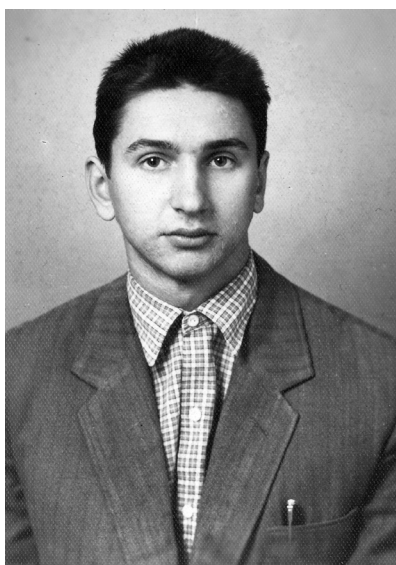
После походов ЛП выглядел помолодевшим и набравшимся сил и, разумеется, похудевшим, что его тоже радовало. Запаса энергии, впечатлений и фотографий, полученных в походе, хватало еще как минимум на год.

Помимо байдарочных походов, ЛП любил путешествия более цивилизованные. Видимо, это пристрастие появилось у ЛП в результате многочисленных командировок за границу. Знакомится с культурой и историей других стран вошло в привычку и жизненную необходимость. На свой день рождения вместе с супругой он обычно старался уехать из Пушкино в дальние страны. Предполагаю, что ему не очень нравилось повышенное внимание к этому дню со стороны окружающих, хотя его день рождения в лаборатории мы всё равно отмечали, но позже. Особенно его привлекала Индия и юго-восточная Азия. Можно сказать, что вместе с ним путешествовали и мы, поскольку по приезду Лев Павлович устраивал просмотр фотографий с поеданием экзотических продуктов питания. Например, фруктов или диковинных сладостей. Лев Павлович старался показать все фотографии, рассказать обо всех посещенных достопримечательностях, а также о наиболее запомнившихся попутчиках.

Порою мне кажется, что дверь кабинета Льва Павловича закрыта не потому, что его больше с нами нет, а потому, что он уехал в свое очередное путешествие.

ИЗБРАННЫЕ ФОТОГРАФИИ

(из архива Л.П. и коллег)

Лев Овчинников, 4 курс МГУ, 1964 г.

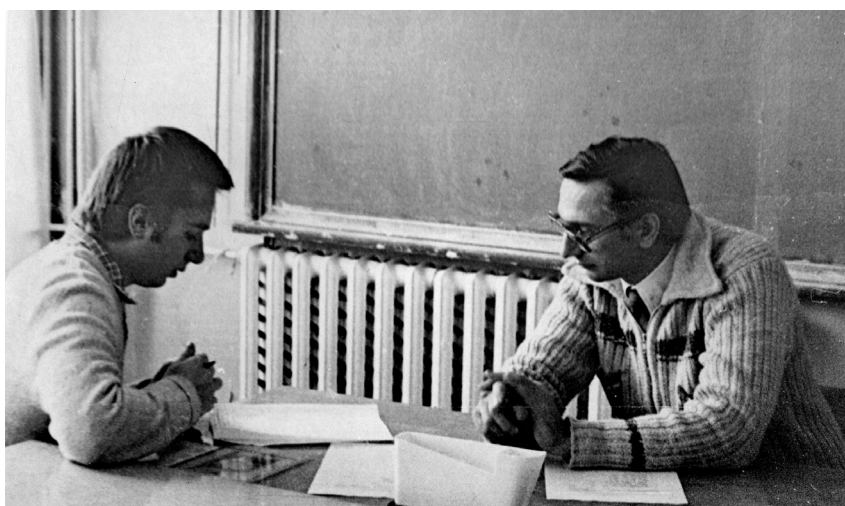
А.С. Спирин и Л.П. Овчинников, 1976 г.

Институтский пикник. А.С. Спирин и Л.П. Овчинников.

В изотопном кабинете, середина 1970-х.

Лев Павлович принимает экзамен.

Лаборатория в середине 1980-х. Верхний ряд: А. Аванесов, Л. Овчинников, Е. Давыдова, О. Денисенко, А. Ситиков. Нижний ряд: В. Миних, Л. Авербух, А. Альжанова, Е. Соболева, А. Мунишкин.

Лев Павлович и Валя Евдокимова, на юбилейной конференции Л.Л. Киселева, 2006 г.

Беседа с Jean-Luc Darlix на конференции, 2006 г.

Встреча с Марианной Грюнберг-Манаго.

Группа регуляции биосинтеза белка, 1999 г. М. Скабкин, О. Скабкина, Е. Ковригина, Е. Кунаева, Е. Соболева, А. Хмельницкий, М. Разуменко, А. Туранов, А. Сорокин, Лев Павлович, М. Ившина.

Группа регуляции биосинтеза белка, 2005 г. Верхний ряд: М. Скабкин, Лев Павлович, К. Чернов, Д. Лябин, С. Гурьянов, К. Стасевич. Нижний ряд: И. Елисеева, О. Скабкина, А. Сорокин, А. Селютина, Е. Сереброва, Н. Гришина, Е. Соболева.

Группа регуляции биосинтеза белка, 2016 г. Сидят: Е. Соболева, Н. Гришина, Лев Павлович, Е. Сереброва, И. Елисеева. Стоят: К. Будкина, Е. Григорьева, Д. Лябин, Д. Поляков, Е. Смолин. Д. Мордовкина.

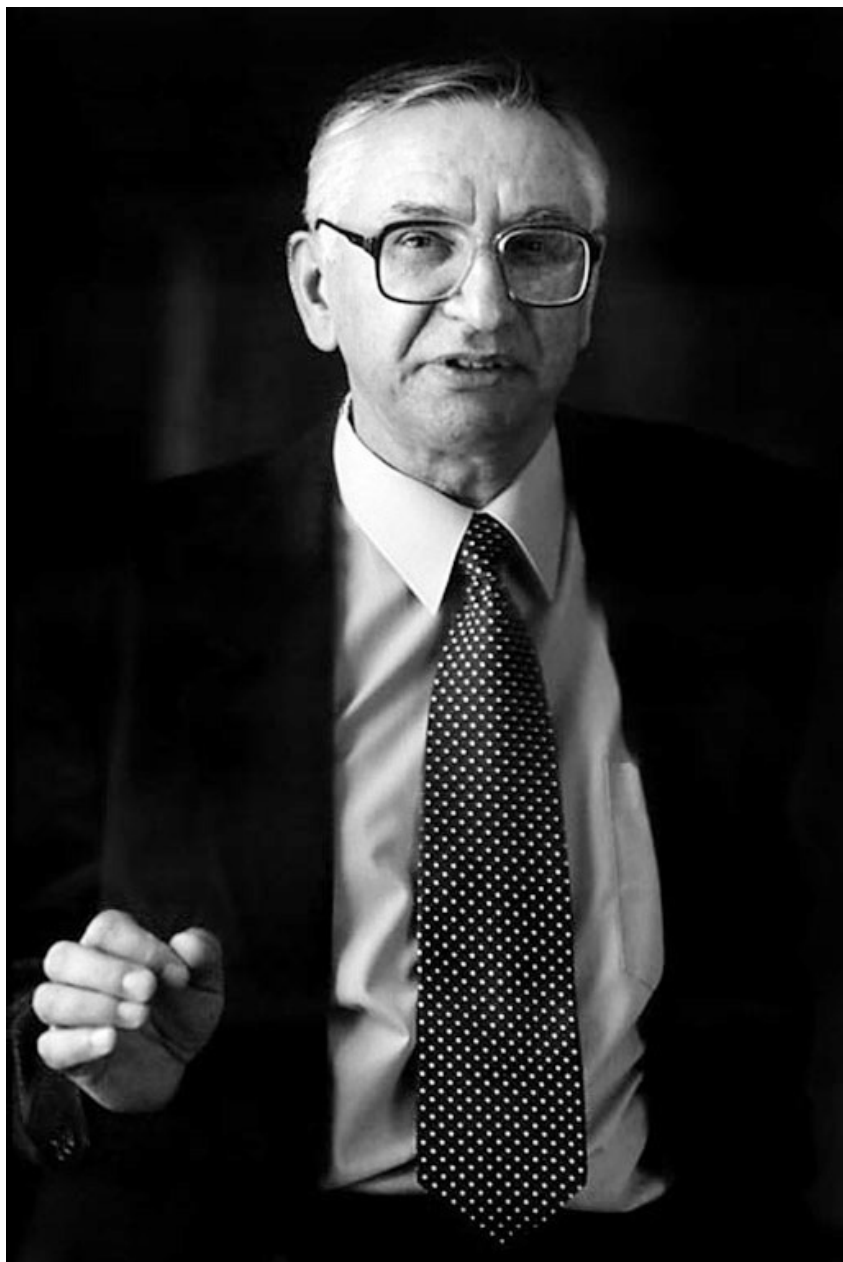
Лев Львович Киселев, Лев Павлович Овчинников и Людмила Юрьевна Фролова, 2001 г.

«Не только наука занимала голову ЛП в молодости». ЛП с супругой Альбиной Борисовной. Коллаж для стенгазеты к 70-летию Льва Павловича.

«ЛП ставит голос молодому поколению». Верхний ряд: Д. Поляков, К. Чернов, М. Скабкин, А. Доронин и А. Сорокин (последний в ряду). Нижний ряд: Д. Кретов, С. Гурьянов, к. Стасевич, Д. Лябин. Коллаж для стенгазеты к 70-летию Льва Павловича.

Лев Павлович, 2000-е годы